

18+ Кирилл Леонидов

Проект
«АКАЦИЯ»

современный роман - версия

*Пока есть хоть какие-то силы и возможности,
мыслите и делайте выбор. Свободно.
Заклинаю вас, тысячу раз заклинаю...*

Кирилл Леонидов

Проект «Акация».
Современный роман-версия

«Издательские решения»

Леонидов К.

Проект «Акация». Современный роман-версия / К. Леонидов —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-836158-6

Роман «Проект „Акация“» объединил написанную в 2009 году повесть «Вольтерьянец» и появившееся в 2016 году продолжение — «Проект „Акация“». Главные герои знакомятся в школе, где происходят события, повлиявшие на их дальнейшую жизнь. Судьба сталкивает одноклассников вновь через восемь лет в условиях современной ситуации в мире и в стране, жесткой дискуссии в российском обществе. Вымышленный сюжет романа тесно связан с реальными событиями, поэтому возникает ощущение документальности.

ISBN 978-5-44-836158-6

© Леонидов К.
© Издательские решения

Содержание

Часть 1. Вольтерьянец в стиле модерн	6
Явление новичка народу: так все началось...	7
Демонстрация странностей продолжается	9
Я и Венька становимся дружбанами (вот это да!)	13
Референдум	16
Как Вениамин «повысил» успеваемость в школе	19
Аня	21
Конституция школы №...	25
Новогодние откровения	30
Тайный Совет: начало	36
Страсти по Левитину	39
Конец ознакомительного фрагмента.	43

Проект «Акация» Современный роман-версия

Кирилл Леонидов

Корректор Ольга Сокуренько

Дизайнер обложки Платон Сарадаев

Редактор Лариса Митрохина

© Кирилл Леонидов, 2020

© Платон Сарадаев, дизайн обложки, 2020

ISBN 978-5-4483-6158-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Часть 1. Вольтерьянец в стиле модерн

Июнь. Наконец-то позади школа. Мы в последний раз гуляем с классом по ночной, а потом уже утренней Москве, балтаем всякую чушь, мечтаем, строим самые великие и дурацкие планы. Но чувствуется по нашим задумчивым и не очень беззаботным лицам, что каждый продолжает думать об одном и том же: о тех невероятных событиях, которые произошли в нашей школе в последний год, и об одном человеке, нашем бывшем однокласснике, ставшем их центром. Вольно или невольно мы заглянули через него за грань другого мира, тайного, скрытого от нас, но, как мне кажется, влияющего на все происходящее. История, которую расскажу, покажется выдуманной, но это было. Точно было. Сто процентов. Мои друзья – свидетели, а в какой московской школе – не так уж и важно. Как говорится, без лишнего ажиотажа. Ведь дело не в том, где, а в том, что, как и зачем, верно?

Явление новичка народу: так все началось...

Он появился в нашем классе – коллективе с давно сложившимися отношениями, своими симпатиями (и, наоборот) где-то в середине сентября. Да, точно, это было пятнадцатое или шестнадцатое сентября. Погодка была отличная, лучше, чем летом. Это время я очень люблю. Ни гнуса, ни комаров, ни духоты. Солнце – бархат, воздух прозрачнее и чище, потому что пыли меньше. Ну а еще наши возвращаются с каникул, и рассказов у всех полно. Кто, где, что...

За лето все так меняются. И дело не в том, что вырастают в сантиметрах, а глаза меняются. Появляется в них какая-то серьезность, аж, не по себе становится. У кого-то из пацанов усы лезут, кое-кто наколку зафигачил, а Нонка Овчинникова вообще выиграла кастинг на модель! Во дела! В первые дни сентября в классе всегда очень весело, настроение приподнятое, народ не может наговориться, а учителя – успокоить. В сентябре, так же как и в мае, не до учебы. А тут еще такое: новичок в одиннадцатый класс! Интересно, что за кент, чем дышит? Ему-то потруднее, чем нам: нас много, а он один.

Классуха Изольда Эдуардовна, наша немка, представила его классу на уроке физики, как прибывшего из Питера. Семья переехала, и вот на тебе – новая школа. «Тяжелая доля, – думал я. – Родители планы строят, а мы свои похериваем». В общем, пацан вроде ничего. Высокий, оказался неплохо сложен, сказал, что играет в баскетбол. Фамилия звучит – Левитин. А вот имя подкачало – Вениамин. Венька, Веньк, трень, бреньк – черт те что! Считаю, что родители тысячу раз должны взвесить, прежде чем обзывать ребенка. О чем думали его мать с отцом? То ли дело я – Морозов Славка. Славка и есть Славка. Настоящее пацанское имя. С ним и во дворе не пропадешь, и на заводе, да хоть в офисе: «Славка, е..., начинай грузить». Или: «Вячеслав Сергеевич, дайте нам, пожалуйста, сводку на день...» И так и этак – все ништяк.

Ну, в общем, представили нам Вениамина, а потом физичка отправила его за парту к Катерине, к малохольной нашей, «синему чулку». Та, аж, сомлела, глазки прячет. А Вениамин небрежно так прошел, сел. Ни «здрассти», ни «привет», как будто рядом место пустое. Высокомерный... Это плохо. Ничего, на место поставим, если понадобится. У нас коллектив что надо. Тут вдруг Вениамин поднял руку. Класс замер («Ну и?»), как-никак первая реплика в нашем «театре»!

– Можно я пересяду?... Вон туда!

Он кивнул головой... в мою сторону. Я сидел один.

– Почему? – удивилась Маргарита Львовна,

«С чего бы это?» – озадаченно подумал я.

– А можно не отвечать на ваш вопрос?

Вениамин спросил спокойно, без тени смущения. Он смотрел на физичку, как на чучело медведя в музее – с любопытством, но без страха.

– И все-таки, – настояла та, слегка раздражаясь.

Раздражение у нее наступает быстро: нервы расшатаны большим педстажем, ничего тут не поделаешь. Класс опять заинтригован: какое-никакое, а развлечение. Да еще знаковое – новичок выпендривается. Очень интересно, во что это все выльется.

Вениамин как будто грустно усмехнулся:

– Если вы хотите, чтобы человек вам принадлежал, дайте ему право выбора.

– Я не претендую на вас, как на свою собственность.

Тут у Маргоши от такой наглости учащегося зажглись все «фонари», того и гляди «коротить» начнет.

– Напрасно, я готов был отдаться, – сказал он, вдруг встал и пересел ко мне.

Вот просто так встал и пересел, даже не спросив разрешения у меня. А я тоже – рот разинул, как под гипнозом. Другому бы сразу заявил, как отрезал: «Пошел-ка ты!» А тут... ничего не понимаю!

– Если ты в первую же минуту начинаешь свое пребывание в чужом монастыре с цитирования своего устава, то...

Маргарита съязвила, поедая его глазами, и вся пылала от возмущения. Щеки ее стали пунцовыми, а левый глаз при этом еще слегка задержался. Однако Вениамин демонстрировал само миролюбие. Он будто не понимал, в чем вообще проблема:

– Да какая разница, куда я сел! Женщины просто мешают сосредоточиться. Спросите третий закон термодинамики, поднимется настроение, потому что я его знаю. Не верите?

– В таком случае, я для вас не женщина, – предупредила Маргарита, ничего не ответив насчет закона термодинамики, и сразу же приступила к уроку.

Может быть потому, что не знала, как реагировать. А если этот выскочка и вправду знает закон, который они еще не скоро в этом году начнут изучать? Дать ему возможность таким образом укрепить авторитет неформального лидера? Ни за что!

Когда класс потянулся по коридору на другой урок, ко мне как бы невзначай «подгреб» мой друг Родион Заболотнов, кивнув в сторону Вениамина спросил:

– Че за пижон? Откуда он знает третий закон термодинамики? Он физику как бестселлер читает?

– Может и читает, – пожал я плечами. – Посмотрим.

– Если он такой умный, я – второй в очереди списывать контрольные. После тебя, конечно...

Демонстрация странностей продолжается

Весь сентябрь и октябрь наш новенький выдавал такие перлы, что мы просто реально не знали, как нам на него реагировать, как все оценивать. Спрашиваете, что конкретно я имею в виду? А вот что. Все по порядку.

На уроке истории историк Игорь Иванович опять интересные нам вещи рассказывал, говорит:

– Видел я вчера на первом канале передачу «Круглый стол» у Познера, посвященную отношениям России и Запада. Познер задался вопросом: почему между Россией и Западом всегда некая пропасть? Почему нет доверия, а происходит постоянная конфронтация во всех сферах, непонимание, противостояние... Были там у него в гостях Лужков, Кончаловский, Аксенов, некоторые деятели от политики. Одни говорили, что это противостояние – козни извечных врагов России, другие – что Россия, то есть российское общество, сама выдумала проблему, вместо того, чтобы изменять себя, интегрироваться в мировое сообщество. Как Познер не пытался выяснить у них, в чем причины, корни такого долгого исторического противостояния, никто ничего ему определенного не сказал. Только Лужков попытался отдаленно сформулировать: это, мол, некие традиции, уходящие вглубь истории, сформировавшиеся исторические реалии. Но, простите, какие реалии? Ведь надо знать, в чем причина явления? А вот у меня есть версия, и я с вами поделюсь соображениями. Достаточно простая версия и, как мне кажется, близкая к истине. Во-первых, в каких климатических условиях жили издревле люди, поселившиеся в Европе, а в каких – на территории Руси? В Европе был тогда (и пока еще остается сейчас) в целом влажный климат с влиянием теплых океанских течений, плодородная земля. Здесь получило развитие индивидуальное землевладение, потому что такую землю удобно обрабатывать, она дает высокий урожай, и нет необходимости создавать большие коллективы работников, вполне достаточно одной семьи. Сельскохозяйственный период по времени достаточен, чтобы всей семьей обрабатывать землю не спеша, заботясь о качестве, ведь на рынке таких индивидуальных производителей всегда высока конкуренция – земля хорошая у всех. Потребители здесь тоже достаточно избалованы: они привыкли к продукции, выращенной на плодородной земле в благоприятном климате. Кроме того, не надо забывать, что Европа унаследовала традиции римской жизни. Это, прежде всего, римские политические институты, римское право, достижения Рима в области архитектуры и градостроительства, инженерные изобретения. Уже сейчас стало известно, что в древнем Риме существовала настоящая промышленность, были заводы, работавшие хотя и на энергии воды, но тем не менее. Качество жизни у римлян – тех, кто передал по наследству свои достижения следующей за ними европейской цивилизации, было очень высоким. Правда, похолодание климата, и, как следствие, болезни, мор, голод, межфеодальные криминальные разборки и давление католической Церкви в XIII веке отбросили Европу назад в плане качества жизни. Но скоро Европа опять обрела океанскую влагу, тепло и плодородие. Итак, в Европе – индивидуальное землевладение, культ качества, все производится тщательно, без спешки – спешить некуда. Как скажется такая жизнь на национальном характере? Хромченко?

Долговязый Хромченко неуверенно изрек, поднимаясь над столом как жираф с колен:

– Ни с кем делиться не надо. Всего ж полно...

Класс заржал...

– Правильно Хромченко, четверка с занесением в журнал! Действительно, незачем объединяться. Все можно сделать одной семьей. Главное – сделать лучше, чем у соседей, и не столько больше, сколько лучше! В этом случае формируется производитель с характером основательности: он привык нести персональную ответственность за все, что делает. Но он не спешит и кому-то помочь, чужие проблемы его волнуют меньше. Он – индивидуалист, он

требует к себе уважения, он хочет, чтобы государство с ним считалось. А что же в России, Светлакова?

– Климат холоднее, сельскохозяйственный период короче...

– Ну, еще?

– ?

– А еще... – продолжил Иван Иванович, – земля в основном покрыта лесами, чтобы ее обрабатывать, надо пилить деревья, корчевать пни, а времени летом мало. Как правильно заметила Светлакова, летний период обработки земли совсем короткий. Отсюда что? Получило развитие коллективное, а не индивидуальное землевладение, все надо было сделать быстро, а значит, помогать друг другу. Вот откуда наша щедрость и стремление помочь ближнему. Но откуда же – торопливость, поверхностность, привычка хвататься за все сразу, не доводя ничего до конца, низкое качество работы. А теперь представьте себе: вот такая страна на огромной территории. Как ею можно было управлять в тех исторических условиях, когда еще не было явления экономической интеграции? Да, конечно, путем жесточайшей централизации всей жизни, иначе страна растечется, как жидкое варенье с куска хлеба. Вот откуда склонность к авторитарной системе правления и коллективному хозяйствованию, а, значит, к идее социального равенства в сочетании с жесткой вертикалью власти. Зная это, начинаешь понимать, как в нас с вами уживается душевная доброта и допустимость лжи и жестокости власти. Не надо забывать и того, что страна наша развивалась в сложных геополитических условиях: с одной стороны напирала Европа, с другой стороны – Азия: все хотели отхватить кусок от русской земли. В нас течет кровь как европейцев, так и кочевников, мы восприняли как культуру Европы, так и культуру Азии, наша территория – материк Евразия. Вот и судите сами, кто мы: европейцы или азиаты? Да то и другое сразу! Нельзя говорить, что у нас самобытный характер, а у европейцев универсальный. На самом деле у них и у нас самобытные характеры, просто вся Европа, все ее страны, развилась примерно в одних социально-экономических, климатических условиях, а мы на своей огромной территории – в других. И не им нас и не нам их учить не надо, каждый прошел свой исторический путь. Другое дело, что в этой нашей совместной истории были трудные страницы, политые кровью. Никто еще ничего не забыл. Доверие придется пестовать столетиями новой жизни, если кто-то опять не решит переделать мир на свой лад.

– Ну и каков же вывод? – встрял скептически улыбающийся до этого Вениамин.

– Выводы делать вам самим, – сказал Игорь Иванович.

– Это слишком удобный ответ, беспроегрешный, – возразил Вениамин. – Почему в стране получает развитие национализм? Почему мы не хотим взять все лучшее у них, а им предложить свои лучшие качества. Почему суверенитет для нас был всегда выше всего? Пусть дерьмо, но свое? Так, что ли?

– Суверенитет не дерьмо, – вежливо возразил историк. – Он важен не только для нас, он важен для всех. И для Европы – тоже. Независимая политика и патриотизм – неотъемлемое явление и европейской жизни.

Вениамин вдруг криво усмехнулся:

– Да патриотизм надо корчевать как заразу! Самое страшное изобретение земной цивилизации – чувство национализма – патриотизма. Европа и Америка эту проблему, кстати, успешно решают: там гордятся реальными достижениями. А у нас рвут рубаху на груди: «Еду я на Родину, пусть кричат „Уродина!“, хоть и не красавица, но она нам нравится...» В общем, сами жить не будем и другим не дадим.

Вот это да... Мы притихли. Переводим взгляд с новенького на историка. Что теперь будет? Надо отдать должное Иванычу, хоть и не любил я его за скупые оценки (выше четверки мало кому ставил), но держать удар он мастак. Ни один мускул не дрогнул! Внимательно

на Веньку этого смотрит, даже с некоторым любопытством (еще бы, редко такие экземпляры попадаются), говорит:

– Вы считаете, что идеальным следует считать человека, лишенного любви к своей Родине?

А Вениамин в раж вошел, шпарит, как по писанному (откуда всему нахватался?!):

– Родина, – говорит, – там, где тебе хорошо. Вы же не будете любить родственника, который сам вас терпеть не может, который принес вам или другим вашим близким горе, страдания. Как и за что можно любить «уродину»? Я не желаю любить «уродину»! Вот когда она станет лучше, гуманнее, добрее и терпимее, тогда – да! А сегодня мне больше нравится, например, Норвегия. Правда, к ней я никакого отношения не имею, к сожалению. А вообще, я люблю весь мир, пусть весь мир будет открыт для меня, для других, вот тогда и можно будет говорить об искренности чувств. Я – человек мира!

В классе кто-то из девчонок даже хлопнул пару раз в ладоши. Новичок кого-то уже очаровал... А Вениамин, между прочим, закончил очень даже миролюбиво, наверно, чтобы обстановку разрядить, хитрый:

– Игорь Иванович, да проблема разрешится сама собой, вы же о климате начали говорить? Он, по-вашему, первопричина? Так глобальное потепление все на места и расставит, всех примирит! У них в Европе, да и в Америке, похолодает, айсберги ж растают, температура теплых океанских течений упадет, уже сейчас у них морозы бьют, а у нас наоборот – теплеет, мы от океана меньше зависим. Поэтому наши национальные характеры выровняются, станут похожими, плюс экономическая интеграция – и никакого национализма!

В этот момент я глянул на историка, и стало мне не по себе: он чуть прищурил глаза и долго изучающее смотрел на Веньку, как будто спрашивал его: «Ты, вообще, откуда такой взялся?»

Вот такой случай... Да если бы один! Вот другой пример Вениаминовых «вторжений» в наше «тихое болотце». Когда, например, обществовед на уроке выразил отрицательные суждения по поводу глобализации экономики, Вениамин негромко заметил:

– Назовите мне хотя бы одну проблему, которая на Земле не носит глобальный характер? Может, экологическая проблема или СПИД, или наркомания?

– Алкоголизм! – засмеялся мой друг Родион Заболотнов. – Он чисто российский!

– Ерунда, – возразил Вениамин. – Алкоголизм распространен во Франции, в Испании, много пьют немцы, американцы. А украинцы? Разве этим грешим только мы?

– Откуда ты знаешь, где сколько пьют, ты что, там жил? – возмутился Родион.

Но Вениамин заявил:

– У меня есть цифры, статистика. Я могу их показать, если надо.

– Тебе че, делать нечего: всякую ерунду изучаешь?!

– Интересно.

– Впервые такого придурка вижу. Все, блин, ему интересно...

– Так вот, – продолжил упорный Вениамин Левитин. – Раз многие проблемы носят глобальный характер, разве не глобальная экономика их может решить? Без координации здесь не обойтись. В будущем все будет одно: экономика, язык, культура, даже антропологически будет единый народ (он усмехнулся) – черный и узкоглазый.

Все грохнули от смеха: вот так перспектива, вот так народ! Кто-то, не помню кто, тогда заметил:

– А что, на ТВ сидит же ведущий Василий Зайцев, негритос, и на «Фабрике звезд» скоро половина афросуфов будет!

На уроке английского этот чертов Левитин совершенно свободно говорил с англичанкой на настоящем английском, чем привел ее в эйфорическое состояние, а на физкультуре играл в баскетбол как Майкл Джордан – одни трехочковые и двадцать пять подборов за игру! Такого

игрока в нашей школе еще не было! Зверь! Наш физрук Потапыч за голову схватился, а потом долго держал вверх большой палец. Вот так подарок школе перед чемпионатом города! А еще по школе ходили разговоры (я, правда, сам не видел, но зря говорить не будут), какого-то «выпендрона», который у «мелких» деньги отбирал, Левитин так саданул по морде, что сразу – нокаут. Молоток наш парень! Основа крепкая, пацанская, а с остальным потом разберемся.

Я и Венька становимся дружбанами (вот это да!)

Наше соседство с Левитиным за одной партой не приводило к каким-либо взаимным откровенностям. На уроках мы не разговаривали, вне школы тоже не общались. У меня нет привычки кому-то навязываться в друзья. Если человек не проявляет ко мне особого любопытства, то и мне «по барабану». Но вот однажды как-то с пацанами играли в футбол на школьном стадионе. Веньки с нами не было, играли на деньги, так что матч получился жестким. Нам, с трудом, но удалось выиграть. Не скрою, пришлось немного ребятами поуправлять, расставить их, кому-то что-то подсказать, как сказали бы профессионалы: поставить игру в нужный момент. Когда все закончилось, и мы, посчитав рубли, пошли в раздевалку, меня окликнул Левитин. Он, оказывается, смотрел игру, сидя на лавочке за деревьями так, что если специально не обращать на него внимания, и не заметишь. Я настороженно остановился: чего это он? Когда Венька подошел, на лице его была довольная улыбка, будто он эту игру выиграл.

– Хорошо у вас получилось.

– Нам патриотизм помог, – не глядя на него, поддел я.

То, что ему не нравится патриотизм, не понравилось мне и многим моим друзьям. Это не по-нашему. Мы выросли во дворах, в небольших коллективах, где все держались друг за друга. Принять такие высказывания мы не могли в душе никак.

– В данном случае это не патриотизм, а командный дух, Славка, это не одно и то же, – добродушно, без тени свойственной ему иронии, возразил Вениамин. – Командный, корпоративный дух, дух организации – это великое дело. Мне понравилось, как ты «рулил» игрой. Парни тебя слушают, у тебя есть лидерские качества.

– Да какие там качества! – отмахнулся я смущенно (хотя не скрою, замечание Левитина мне польстило).

Но Венька был настойчив, как будто старался убедить в своей искренности:

– Нет-нет, ты зря, лидерские качества и интуитивное знание человеческой психологии у тебя есть. Ты мог бы работать менеджером в компании, ну, может быть, не первым лицом, но вторым точно. Или на государственной службе, да, я точно представляю тебя на государственной службе: заместителем министра, например...

Мы оба посмеялись над этой шуткой. Но тут улыбка постепенно сползла с Венькиного лица, он сказал:

– Славян, тут идея есть одна, пойдём в кафэшку сходим, поболтаем?

– А куда?

– Ну, в «Три слона» давай, тут рядом.

– У меня, конечно, деньги есть после этой игры, но... их не хватит, наверно.

Вениамин усмехнулся, хлопнул меня по плечу:

– Оставь их себе, я угощаю.

Я пожал плечами, мол, как знаешь, и мы отправились в кафе «Три слона». Заказали горячее, кофе «капуччино», коктейль молочный. Я обалдел от того, сколько это может стоить, но Вениамин успокоил: ничего, мол, заказывай, деньги есть.

– Ты что, сможешь за все это расплатиться? – спросил я.

– Нет проблем.

– Родоки щедрость проявляют?

– Частично, в основном это мои деньги.

– Ну да? Подрабатываешь?

– Угадал.

– И как, если не секрет?

– Пока секрет.

Вениамин с удовольствием отхлебнул горячий пенистый кофе:

– Пиво хочешь?

– Можно. Тебе дадут?

– Я часто бываю в этом кафе, да и принимают они меня за восемнадцатилетнего, разве не сойду?

– Сойдешь.

– Ну, вот.

Он без проблем притащил еще пива «ноль пять», но себе не взял.

– А сам? – удивился я.

– Не хочу.

Он молча наблюдал некоторое время, как я с увлечением глотаю запретное пиво, потом сказал:

– Школа у вас ничего. Ребята, в общем, неплохие. А вот педагогический коллектив – так себе, рутинеры.

– Кто-кто?

– Ну, рутинеры – скучные, мелкие служащие, у которых никакого творчества, только одно в голове: как бы домой побыстрее свалить. Практически нет людей, независимо мыслящих. Все находятся в плену каких-то старых представлений и установок, профессиональные качества никуда не годятся, да и человеческие... Математичка мечет треугольники в учеников, а на уроке литературы, помнишь, преподаватель, эта, как ее, Софья Павловна, декламирует «Человек – это звучит гордо!» и дышит утренним перегаром. Когда она успевает, зараза?

– Не говори, – подхватил я. – А физичка, та все на себе показывает: «Представьте, что я электрон». И начинает метаться вдоль доски туда-сюда, туда-сюда, а весу в ней, ты же видел, килограммов сто, наверно. Эффектно... А ОБЖ засыпает на уроке. Но... только что из этого всего? Год остался, – философски изрек я. – Потерпим, а потом...

– Почему потом? – возмутился Левитин. – Жизнь наступит не завтра, в другую, взрослую эпоху, за пределами школы. Она происходит сейчас. Здесь и немедленно формируется каждый из нас каждым поступком, каждой новой мыслишкой вот тут.

Он выразительно показал пальцем на свой лоб.

– Ну и что ты хочешь сказать? Мы каждого из них знаем с первых классов, ну вот такие они, что тут сделаешь? А мы-то лучше, что ли? «Бэд стрит бойс»¹...

– Если захотим что-то изменить, значит еще не все потеряно, – заметил Левитин. – Что-нибудь слышал о школьном самоуправлении? Это вроде второй орган, как бы наравне с педсоветом. Он способен решать многие вопросы самоуправления в школе. Давай поможем нашим взрослым управленцам навести порядок в школе? Кроме того, уже сейчас будем готовить себя к более серьезным задачам, которые предстоит решать завтра. Не ждать этого «завтра», потому что нас там тоже особо никто не ждет, а входить в будущее через настоящее, как хозяевам. Сначала маленькими хозяйчиками, – он усмехнулся, – а потом большими.

Тут и я не удержался, восхитившись Венькой:

– Ты, Левитин, базаришь, как будто тебе лет сорок, юноша – старик. Ты где всего этого набрался?

– Потому что любопытный. Мне интересен политес, понимаешь?

– Ч-чего?

– Ну, политический процесс, процесс управления людьми и взаимоотношения между отдельными людьми и группами. Это захватывающее дело. В будущем хочу заниматься этим профессионально.

– В депутаты, что ли, подашься? – усмехнулся я.

¹ Аналогия с названием музыкальной группы «Bad Street Boys» (перевод с англ. «Плохие парни с улицы»).

Венька многозначительно покачал головой:

– Нет, реальная политика делается не в законодательном и не в исполнительном органе, а в другом месте. И так происходит почти во всем мире.

– И где же? – заинтересовался я.

– Все равно пока еще не поймешь. Ну, так про самоуправление что скажешь?

– Идея интересная, только ее никто не поддержит.

– Ты поддержишь?

– Поддержу.

В этот момент я почему-то проникся к Веньке таким чувством благодарности и уважения, что даже немного прослезился (наверно, пиво подействовало). Мне захотелось его чем-нибудь обязательно приятно удивить. Я достал из кармана свой секрет – коробку с сигарами, извлек из нее одну и показал Левитину:

– Настоящие кубинские – супер! Хочешь?

– Слава, завязывай, нас выгонят отсюда! – запротестовал Венька, оглядываясь на бармена.

Но было поздно, лучше бы он пивом меня не поил. Я вставил сигару в рот, что-то пробормотал про то, что нас за дальним столиком совсем не видно, зажег ее с шиком и затянулся. В следующий момент в моей голове так шарахнуло, что, как потом мне рассказывал Левитин, я опрокинулся на стуле и улетел назад прямо с сигарой во рту, повергнув в шок все кафе.

Референдум

На следующий день утром Левитин неожиданно появился у меня дома.

– О-па! А ты откуда мой адрес-то узнал? – вяло осведомился я.

Венька посмотрел на меня, как на конченого придурка:

– Кто хочет что-то узнать, тот сообразит, откуда взять нужную информацию... Почему на уроке не был?

– Ай... Голова болит после вчерашнего пива твоего.

Я извинился, чтобы снова отправиться в ванную, попросив Веньку посидеть и подождать. Тот прошел ко мне в комнату, а я продолжил вымачивать организм прохладной водой. Из ванной кричу ему:

– Ты тоже не пошел на английский?

– Ну да.

– А чего?

– Я и так по два-три часа в день занимаюсь. Самая лучшая вещь это самообразование. Потому что «само», а не из-под палки. Англичанка к тому ж не говорит по-английски.

– Почему не говорит, она же говорит!

– Да брось ты. Как она говорит, так ее не один англичанин не поймет.

– Венька, а почему мне так хреново?

– Этанол в сочетании с радиоактивным Полонием-210 – гремучая смесь.

– Что такое этанол?

– Алкоголь.

– А...

– Чего, а?! Алкоголь – настоящий наркотик.

– Почему же его продают?

– Это длинная история, выгодно для бюджета государства. Так оно по наивности своей или по злему умыслу считает. Да и природа человечества такова: одна часть – сознательные, другая – импульсивные. Импульсивные будут пить и колоться всегда, потому что – быдло. И это хорошо, что они есть. Ресурсов Земли на всех не хватит. Значит, кто-то должен умереть молодым...

Я чуть не поскользнулся в ванной при последних словах Веньки, мокрый выбрался наружу:

– Ну ты жесткий парень...

– Я, хоть и жесткий, – невозмутимо ответил Левитин, разглядывая на стене мои плакаты группы «Ария», – но самый гуманный. Гуманность не всегда есть жалость. Гуманность – это жесткая справедливость.

– Так я, по-твоему, тоже импульсивный, раз ты мне пиво предлагал?

– Вот и угощай после этого... Расслабься, имеешь хорошие перспективы.

– Спасибо и на том. А че это ты мне про Полоний-210 здесь говорил?

– Все просто. Это радиоактивный элемент, в 1946 году американцы открыли его в табаке.

Так что поздравляю, вчера кое-кто получил приличную дозу облучения.

– Ты серьезно?

– Абсолютно.

– Во, б...!

Я пригласил Веньку на кухню пить чай, и тот опять вернулся к разговору в кафе:

– Ну и как насчет самоуправления?

– Опять ты про это! Идеи становятся материальной силой, говорил дедушка Ленин, когда овладевают массами. Вот когда эти твои идеи нашими массами овладеют, тогда и посмотрим.

– Урок истории в миниатюре, – вздохнул с разочарованием Левитин. – Когда ты пил пиво, то был сговорчивее. Вот так спаивали северо-американских индейцев и чукчей, между прочим, тоже.

– Поосторожнее на поворотах! – обиделся я.

На этом про самоуправление разговор закончился. Но у меня уже тогда было чувство, что он всего-навсего отложен. Венька так просто своих позиций не сдает.

И точно, очень скоро у него было много сторонников не только в нашем классе, но и в других тоже. Сделал он это оригинальным способом, о котором рассказал мне: он собрал номера мобильных телефонов у многих ребят (и у парней, и у девочек) разными путями, иногда чей-то номер узнавал через несколько человек, когда не получалось взять его прямо у хозяина. Он предлагал сообщать ему по телефону о том, что кому в школе не нравится, и что можно придумать новое и интересное, засекретив при этом номер, чтобы звонок был анонимным. Он объяснил, как этот номер засекретить, и процесс пошел: девочки были недовольны тем, что много ограничений на одежду и косметику, парни из старших классов – запретом организовать школьную рок-группу, младшим классам не нравилось, что им мало предоставляют времени для спортивного зала. Один мальчик пожаловался на учительницу пения, которая заставляла класс петь все время одно и то же:

Из мешка бери картошку
И питайся понемножку.
Можешь есть ее вареной
Иль в мундире запеченной.

Тарам – тарам-та-ра-рам,
Без картошки худо нам!

Из картошки сварим кашу,
Всю родню накормим нашу,
Кому каша надоест,
Пусть картошку в супе ест!

Тарам – тарам-та-ра-рам,
Без картошки худо нам!

Или вот еще:

Очень хочется лошадке
Вместо сена и травы
Съесть большую шоколадку
Или чуточку халвы.

– Она на диете, а мы-то чем виноваты? – орал в трубку пацан.

И пригрозил, что если так будет и дальше продолжаться, он принесет в школу целый жбан пюре, халву и шоколад и съест все это на глазах у учительницы, изображая крайнее удовольствие, чтоб она, сволочь, помучилась. Кроме этого, абоненты жаловались на отсутствие нормального школьного футбольного поля и катка, еще предлагали упразднить лыжные кроссы, прививки, посещение стоматолога, дневники, о контрольных работах сообщать заранее, зарубить на корню самую идею единого госэкзамена. Венька был «на седьмом небе» и решил немедля закрепить успех. Через месяц провел референдум по SMS с учениками, начиная с пятого

класса, на котором поставил один вопрос: «Желаете ли вы, чтобы в школе работало школьное самоуправление из числа избранных учениками делегатов от каждого класса?» Успех был ошеломляющим: «за» проголосовало более восьмидесяти процентов, правда, половина из них сначала уточнила: а чего это такое, опять заставлять чего-нибудь делать будут?

– Вот, Слава, глас народа! – то ли с гордостью, то ли с иронией сообщил Левитин. – А ты? Где же твой свободный голос?

– «А чего это такое?» – ехидно спародировал я одну из SMS-ок.

Венька коротко пояснил, сделав вид, что не обращает внимания на мое ехидство:

– Вот смотри на простом примере: физичка двойку тебе поставит несправедливо, а ты жалобу напишешь в Совет школьного самоуправления. Совет её рассмотрит с участием свидетелей и, если найдет жалобу обоснованной, рекомендует физичке исправить двойку. Если же она откажется, тогда жалобу направят директору и копию – родителям ребенка, которые сами потом с этим учителем и разберутся.

Я остолбенел:

– У тебя с головой все в порядке?

– В полном! То, что еще недавно казалось абсурдом, станет явью. Главное, не ставить себе заранее ограничитель из условностей, страха, предубеждений. Семейный кодекс: «Каждый ребенок имеет право выражать свое мнение».

– У нас точно плюрализм, тут двух мнений быть не может, – съязвил я под Задорнова. – Наш житейский кодекс говорит свое: «Каждый родитель и учитель имеет право с этим мнением не согласиться и врезать».

– Можно и не согласиться, и вообще внимания не обращать, но рискованно. – Вениамин многозначительно причмокнул губами, как бы подводя итог нашей дискуссии. – Если в обществе нет демократии, оно рискует ввергнуть себя в хаос революции.

Слушая его, как казалось мне, бредни, я не мог тогда знать, даже не представлял, как далеко все пойдет в реальной жизни, и что я сам приму в этом во всем самое деятельное участие.

Как Вениамин «повысил» успеваемость в школе

Скоро я узнал, как Левитин зарабатывает деньги. Он делал домашние работы, сочинения и рефераты за деньги. К нему в очередь встали почти все. Венька завел компьютерную базу на своих клиентов, работы делал быстро, непринужденно. Не надо быть астрологом, чтобы предсказать такому бизнесу в школе самое отличное начало. Многие Веньке отдавали почти все свои обеденные деньги. Не стал исключением и я. Сначала, правда, посомневался. Моральный фактор меня насторожил. Все-таки нехорошо чужим умом жить. На это Левитин резонно заметил:

– В школе есть предметы, которые тебе нужны, а ведь есть и такие, которые ты на все сто процентов забудешь за дверями школы. Но именно на этих предметах «влетаешь» больше всего, разве не так? А с другой стороны, раз они нелюбимые, то и знаешь ты их хуже всего. Вот у тебя какой профиль?

– Орлиный. Нос большой.

– Да я не про это говорю! Ты же гуманитарные науки больше любишь, чем точные?

– Ну да.

– Так зачем на этих формулах свою гуманитарную душу-то выматывать! Если это не твое, а программа школьная тебе навязывает, значит надо эту самую программу обмануть. Когда пытаются сделать идиота из тебя, опереди, сделай идиотами их самих. Я бы после пятого, шестого класса вообще предложил через тестирование выбирать, какие предметы учить – гуманитарные или точные, некоторые вообще бы исключил, а кое-что добавил: космологию, например, историю искусства, политологию, основы права и еще кое-что. Так что, бери, Слава, пользуйся, моими знаниями, пока я есть! Пользуйся там и тогда, где и когда напрягаться не видишь смысла. Все на свете знать и уметь невозможно. Между прочим, обойдется дешевле, чем в специализированных фирмах.

Вот так я тоже стал Венькиным клиентом. Месяца через два наши преподаватели сияли счастливыми улыбками. Зоя Олеговна после очередной блестяще выполненной классом накануне домашней работы встретила нас на уроке в восторженном состоянии. Она никогда не смотрела так ласково, так любяще. Все даже засмутились, уж очень это было необычно после летающих треугольников. Пауза немного счастья длилась секунды, наверно, три. Первым не выдержал слабонервный тупой здоровяк Коля Прошкин. Особенно, когда взгляд математички остановился на нем:

– Чего...? – простодушно улыбнулся Коля, отводя взгляд от ласковых глаз Олеговны.

– Как, чего? Ты впервые нормально выполнил домашнюю работу! Успеваемость в классе поднялась! Ребята, что это?

– Пересматриваем отношение, – весело ответил мой друг Родион.

Я посмотрел на Веньку: он сидел с невозмутимым видом. Мне показалось, что ему нравится быть серым кардиналом и изменять мир, не высываясь. Наверно, в этом действительно есть своя фишка – со стороны наблюдать свои творения.

Однако так продолжалось недолго. Очень скоро резко ухудшились показатели по контрольным работам в классе. Это противоречие насторожило преподавателей и началось следствие. Вениамина вычислили очень быстро и пригласили на педсовет. Что там было! Вопрос стоял об исключении из школы. А, с другой стороны, за что исключать? Он же никого не принуждал, спрашивать надо было с тех, кто к нему обращался. Собственно, об этом хитрый Левитин и говорил на педсовете, поставив своих «судей» в тупик:

– Вы же не исключаете из школы тех отличников, у которых списывают с их согласия? Ну списывают, ну и что? Если человек не может подтвердить перед вами свои знания, которые

изложены на бумаге, спросите с этого человека, наверно, он списал, а не тот, кто сделал работу за него. И, кстати, я своих клиентов предупреждаю...

– Вы посмотрите, этот щенок еще их клиентами называет! – возмутилась Маргарита Львовна.

– Я своих клиентов предупреждаю, – продолжил Венька, – если поймают – все претензии к себе. И все понятно! Я зарабатываю умом, а они платят за свою лень и глупость. И я – не щенок.

Тут выступил директор Семен Анатольевич. Огромный мужичина. Говорят, он кирпич ладонью разбить может, как каратист. Как рассказал мне потом Венька, тот чуть не задохнулся от гнева, все лицо пятнами пошло:

– Левитин, вы же фальшивомонетчик, понимаете, вы как финансовую рушите образовательную систему: теряет смысл все обучение!

– Свобода договора, господа. Давайте учить так, чтобы у меня клиентов не было, – откровенно схамил Вениамин.

На какое-то мгновение все замерли как в оцепенении от беспощадной логики Левитина. В этот момент Венька понял, что переборщил, озвучив такую правду, которую произносить не следовало ни при каких обстоятельствах. Он тут же поправился, почти пробормотав:

– Хотя я признаю, что в масштабах явно перебрал... В общем, ладно, это дело я прекращу...

Но было поздно, тут же на него обрушился вулкан учительского возмущения. Гвалт стоял такой, что ученики младших классов в коридоре притихли. Их просто переорали.

Тогда Вениамин действительно прекратил поставленное на широкую ногу «это дело», мне тоже уже ничего не предлагал, да и я на рожон не лез. Но ходили слухи, что он просто резко поднял цены, и обратиться теперь мог далеко не каждый, а, значит, с прекращением массовости выявить какой-либо отдельный случай стало сложнее.

Аня

Аня училась в нашем классе, но для меня оставалась загадочной и недоступной, как отрешенная от всего в небе звезда. Эх, я загнул! Ну, извините, об этой девчонке сложно говорить приземленным бытовым языком. Тонкие черты лица, умные красивые глаза, а волосы... Ее темные волосы волнами опускались к плечам, и я мечтал хотя бы когда-нибудь прикоснуться к ним, ну придумать какой-нибудь дурацкий повод и провести пальцем, ладонью... А вот если бы прижаться лицом, окунуться в стихию другого, такого дорогого для меня мира, нежась о локоны, вдыхая всякие ее кремы и парфюмы...

Как-то на уроке Венька заметил мои короткие, быстрые взгляды в ее сторону, хмыкнул понимающе и прошептал:

– Если есть мечта, к ней надо идти, несмотря ни на какие препятствия.

Я недовольно осекся.

Он примирительно продолжил:

– Да ладно, можешь не отвечать, и так видно, как ты страдаешь, лошара.

– Слушай...

– Ладно, ладно.

На этом обмен мнениями закончился. Но по-настоящему я на Веньку вовсе и не обиделся. На что тут обижаться? Просто было неприятно, что меня уличили в слабости. Однако я попытался внять совету Левитина и как-то после уроков взял да и подошел к ней прямо на выходе из школы. Она смотрела на меня удивленно, как можно смотреть на человека, который наступил тебе на ногу в автобусе («Мужчина, я, ваще, не поняла!»):

– Ань, давай куда-нибудь ходим вместе?

– Зачем?

В ее глазах было столько естественного недоумения, что я впал в отчаяние. Горячий ветер позора как из тепловой пушки обдал мои щеки, и лицо в момент загорелось жаром.

– Да так... просто.

Язык же, наоборот, задеревенел, как и мои мозги. Таким глупым я себя еще не ощущал никогда и, пожав плечами, отошел так же внезапно, как и подошел. Это было не менее глупо. Хотя бы перевел разговор на другую тему, как-то пошутил, сгладил впечатление от нелепого предложения. Ну, дурак, чего уж тут скажешь... Тут я впервые за все время пожалел, что Аня учится в нашем классе, и мне теперь всякий раз придется делать вид, что ничего не произошло. Каждый раз, пока я не забуду эту нелепость. Свое раздражение я перенес на Левитина, выговорил ему на следующий день на математике:

– Сделал я, как ты советовал, на свою голову...

– Что? – Венька поднял брови, не глядя на меня, размышляя над задачей.

– Пошел к своей мечте.

– И что?

– Мечта задала мне вопрос.

– Какой?

– Зачем, говорит, это надо?

– Что надо?

– Чтобы мы были рядом.

Левитин, наконец, отвлекся, повернулся ко мне:

– И при этом твоя мечта смотрела на тебя, как на идиота?

– Точно.

– Ну что я могу сказать, это вполне закономерно.

Тут я совсем разозлился:

– Я все делал по твоей инструкции, между прочим.

– Да ну?

– Что, да ну? Кто говорил «надо идти к своей мечте»? Вот я и пошел.

– Понятно, так и должно быть, если читаешь текст инструкции вверх ногами. К цели не всегда правильно двигаться напролом. Ты сможешь одолеть «Пик Джомолунгмы» без специальной подготовки? Пошел в кедах с веревкой и залез? Нет. Так а какого... ты решил, что на женщину, которая тебе нравится, можно также легко взобраться?

– Венька, я тебе сейчас тресну...

– Ну я хотел сказать, с женщиной познакомиться. Женщина – это больше, чем «Джомолунгма», если она – настоящая женщина. Это лес колдовской, в котором пропадают. И вообще, ты поставь себя на ее место. К тебе подходят и говорят, давай проведем вечер сегодня со мной. А ты на этого человека и внимания никогда не обращал... С какой стати и на кой ляд тебе это надо? Нормальная реакция, но она сама по себе еще не говорит о таком уж негативном отношении к тебе.

– Левитин, Морозов!

Голос математички. Он вернул в реальность. Следом в мою голову не сильно, но чувствительно постучался треугольник, я сидел на стороне у прохода, по которому медленно и бесшумно, как хищник, выслеживающий свою жертву, передвигалась Зоя Олеговна с остроконечным орудием. Венька прав – надо задуматься о своих правах.

Скоро, однако, как только математичка отвлеклась, Левитин снова начал излагать мне свою концепцию:

– Единственный путь – это самосовершенствование. Тебе надо самому измениться, не для нее одной, тут может и не получиться никогда, а как бы для всех женщин. Надо стать интереснее, содержательнее, надо к жизни относиться иначе.

– А как?

– Одним словом не скажешь. Надо, чтобы девчонки воспринимали тебя как холодноватого, независимого красавца, такого мачо, понял?

– Понял.

– Да ни хрена ты не понял! Умнее надо стать и красивее. Но это должно быть естественно для тебя самого. Ты сам должен этого хотеть, как дышать. Только тогда толк будет. Прислушайся к моим советам, и все будет тип-топ.

Он посмотрел мне в глаза, и я поверил ему, отныне, с этой минуты став его учеником и помощником, потому что был поражен точностью, как мне показалось, его объяснения. Тогда я просто решил для себя, что Венька никогда не ошибается, он обладает особым талантом видеть все вещи глубже, не снаружи, а изнутри, раскладывать их по молекулам и атомам.

Но все-таки я здорово захандрил. Невнимание Ани воспринял как личное поражение, уж лучше бы не совался на рожон и жил надеждой. А теперь уже все было ясно.

Левитин пару недель наблюдал это мое состояние, а потом заявил:

– Слава, кто владеет миром, скажи?

– Тот, у кого деньги есть, – мрачно ответил я.

– Ничего подобного! Миром владеет тот, кто владеет информацией. Ты хочешь знать о человеке, который тебя интересует?

– Ты про Аню?

– Про кого же еще?

– Ну, хочу.

– Тогда почему не интересуешься ее жизнью?

– Мне было бы интересно, но я не знаю о ней ничего.

– Так узнай, если интересно. У тебя, Слава, проблемы с логикой.

– Ну, ты тоже скажешь... В замочную скважину подглядывать, что ли?

– Зачем в замочную скважину? Просто потихонечку собирай информацию. Кто она, что она, с кем она? Если она хорошая, ты узнаешь ее лучше и поймешь, над чем тебе надо работать, чтобы стать ближе и иметь шанс понравиться, если плохая, тогда на душе и вовсе полегчает (о ком страдал?!), ну?

– А ты опять, похоже, прав, – неуверенно согласился я.

И этого для Левитина оказалось достаточно. Через пару недель он приехал ко мне домой поздно вечером и с самодовольным видом пригласил:

– Я на такси, поедem, посмотрим на твою Анну?

– Куда?

– Узнаешь.

– Я с трудом отпросился у родителей на пару часов, помогли Венькин представительный внешний вид и вежливость со взрослыми. Мы спустились вниз, и такси понесло нас на другой конец города. Когда машина остановилась по Венькиной просьбе у ночного клуба «Койот», Левитин сказал мне негромко:

– Слушай, ты только не дергайся там... Сиди спокойно.

– Хочешь удивить тем, что она посещает ночной клуб с каким-нибудь отморожком? – спросил я с растущим раздражением.

– Нет, мне этого мало, – ответил Вениамин, загадочно улыбаясь. – Я хочу освободить тебя от иллюзий. Даже если это будет больно, это принесет пользу.

Он жестом приглашающего в гости предложил пройти с ним фэйсконтроль, и мы внед-рились внутрь клуба как ножик в масло.

Я почти сразу увидел Аню. Ее белая блузка фосфоресцировала под неоновым светом, джинсовые капри облегли стройные, точеные бедра, как на обложке модного журнала. Но это только на мгновение, теперь мой взгляд впился в ее соседа за столиком. Судя по их оживленной беседе, это не просто сосед, это ее спутник. Меня снова обдало жаром, как тогда при неудавшейся попытке познакомиться. Но что-то знакомое было в его крупной комплекции, мощном затылке и зачесанных назад густых светлых волосах... Это же не подросток, а папаша в преклонном возрасте! Куда смотрел фэйсконтроль? Долой педофилов, защитим детство! Но если серьезно, что их может связывать? Вдруг я узнал в нем Игоря Ивановича – нашего историка. Ему точно лет тридцать пять отроду. Как же так? Я ни черта в этой жизни не смыслю, размазня!

– Пойдем отсюда, хватит, – едва выдавил из себя.

– Уже все? – с притворным удивлением спросил Левитин.

Я, не обращая внимания на Венькину издевку, молча рванул к выходу. За толпой в зале они нас вряд ли видели, а если и видели – наплевать. Левитин снова поймал такси, сел вместе со мной на заднее сиденье.

– Ну и что? – с показной небрежностью произнес я, то ли для него, то ли для себя самого.

– Что, ну и что? – переспросил он.

– Ну пришли они в ночной клуб, ну посидели, об истории поговорили...

– Дурак...

Венька вынул пачку фотографий и положил мне на колени:

– Вот в ресторане, вот в кафе быстрого питания, в библиотеке, а вот – в сауне! А? «Зодиак» – это ж элитная сауна! Вот заходят в двери, вот даже адрес сфотал. Извини, снять сам «процесс» для меня технически оказалось невозможно, профессионализма не хватает, я ж только любитель. И, наконец, съемная квартира!

– Ты... зачем это сделал?

– А что такого? Представил тебе доказательства.

– Доказательства чего?

– Что тебе нечего ловить. А еще кое-какие выводы сделал и для себя.

– И какие?

– Очень хочется знать, чем на самом деле живут наши школьные носители знаний и морали. Особенно этот.

– Че ты к нему прицепился? Пошел он... вместе с Анькой. Дай, я их выброшу, эти фотки.

– Э, нет! – Венька поспешно засунул их во внутренний карман ветровки. – Это мина замедленного действия моего кустарного изготовления. Я немало своего дорогого времени потратил на работу.

Поведение Левитина нравилось мне все меньше. Он явно что-то замышлял. Я брякнул ему на всякий случай:

– Если ей плохо сделаешь, то...

– Да не нужна мне твоя Аня, успокойся.

Венька смотрел в окно автомобиля, и свет витрин отражался в его глазах торжествующим пожаром. Разве мог я хотя бы предположить тогда, какой «пожар» он уже готовил?

Конституция школы №...

Левитин начал двигать идею школьного самоуправления. Абсолютным новатором он здесь, конечно, не был. В России уже были примеры организации в школе игрищ с созданием некоего школьного правительства или парламента. Говорят, будто это приносит пользу, то есть формирует у детей способность к принятию самостоятельных решений, чувство ответственности, заинтересованность в организации всей школьной жизни, когда школьник становится не исполнителем и объектом, на которого обрушиваются требования, а равноправным участником, организатором и контролером. Школьный процесс в этом случае уже не создается кем-то для него, а формируется при его непосредственном участии. Вот так, в общем.

Именно об этом и говорил Левитин в кабинете у директора, взяв с собой на беседу лучшего ученика, гордость школы, Женьку Запашного, как союзника в продвижении идеи. Он настоящий отличник, но в общении с ребятами у него как-то не очень ладилось, поэтому Венькиному предложению возглавить организацию этой затеи он обрадовался, хотя и несколько дней «думал». Однако, как сказал мне об этом сам Левитин, он не сомневался в том, что Запашный даст согласие:

– Евгению нужно заполучить неформальное лидерство, он расстраивается из-за того, что все его воспринимают только как отличника и шарахаются. Ума палата и полное одиночество – незавидная участь.

При этом Вениамин подмигнул мне и добавил:

– Протянем руку блокадному Евгению. А уж тот постарается...

– Ты-то как? – спросил я с ехидцей, – не расстроишься? Всю славу у тебя ведь заберет.

Левитин нарочито скорчил рожу сожаления:

– Оно, конечно, жаль. Но после истории с платными работами, я под вечным подозрением. Что бы ни сказал – все плохо. Тут без положительного пушистого Жени никак нельзя.

Однако тут я уже всерьез заметил:

– Да с ним ребята разговаривать не будут. Он же чмо!

– С ребятами буду говорить я. Он – почетный Президент. Понятно? Признание администрации – ему, признание народа – мне. Вот если бы и ты включился...

– Не хочу.

– Жаль. Получается, если совет и помощь нужна, так Венька вот он, здесь. Мозги выполаскивает кое-кому, глаза раскрывает. А как встречная просьба – значит, в сторону.

– Да ладно, чего ты обижаешься? Мне просто неохота. Опять «попрет» официоз, как мне отец про комсомольские собрания рассказывал. Все в обязательку превратят.

– Неужели ты никогда не хотел, чтобы с тобой считались? – спросил вдруг Венька с таким жаром, какой-то даже внутренней обидой за меня, что никак не отреагировал на звонок с перемены.

Мы продолжали говорить прямо в коридоре, толкаемые встречными потоками однокашников:

– Что ты имеешь в виду? – почему-то спросил я, хотя прекрасно понимал, о чем идет речь.

– Я смотрел, как ты играешь в футбол, и видел тебя настоящего. А здесь, в этих стенах, ты как халдей.

– Слушай, я и врезать могу.

– Да врежь, мне-то что. Самое главное, ты знаешь, что я прав. Ты никто, а он, он здесь хозяин.

– Кто?

– Тот, кто удачливее тебя, с кем девушка, которая могла бы быть твоей.

– Дешевый прием, Левитин.

– Правда всегда на первый взгляд простая штука, только игнорирование ее потом дорого обходится, – парировал резонно Венька.

На следующий день я случайно столкнулся с Аней в школьной столовой. Не знаю, что меня заставило, но я последовал за ней, сел за одним столом. Все делал как-то интуитивно, сам не зная, чем это закончится в следующий момент, до конца вообще не понимая, зачем это может быть нужно. Она вела себя с некоторой настороженностью, ждала какой-нибудь неприятной реплики с моей стороны. А я молчал. Вот так мы и сидели, поедая каждый свое блюдо. Мне хотелось узнать, видела она нас с Венькой в клубе или нет? В то же время, нельзя было и себя обнаруживать, если не видела. Аня не выдержала первая:

– Ты хочешь меня о чем-то спросить, так спрашивай.

И я спросил, глупее не придумаешь вопроса:

– Скажи, каким надо быть, чтобы понравится такой, как ты?

– Нужно повзростеть.

Аня улыбнулась как-то простодушно, по-доброму, но мне от этой улыбки тошно стало. Она собрала свою посуду со стола и ушла.

Всю ночь после этого разговора я ворочался, мысленно выяснял отношения с ней, пытался доказать: я тот, единственно тот, кто ее достоин. За окном проносились электричка, и блики от фар плыли по стене, маня куда-то, где ждут приключения, успех, интересная напряженная жизнь и сумасшедшая любовь. Как я хотел бы увезти Аню отсюда, от Игоря Ивановича, от его хриповатого низкого голоса, от медленной, вкрадчивой, как теперь мне казалось, речи, от красивых, но неискренних идей, которые – только средство, а не суть. «Рисуется... – с неприязнью думал я, – все только для одного – пыль в глаза пустить, и чтоб она смотрела на него, как на Бога. Может быть и прав Венька, пора проявлять себя».

Через несколько дней я дал согласие участвовать в Левитинской затее, и совместно с ним и Запашным мы сделали небольшой доклад на педсовете. Сказать, что учителя нас приняли прохладно – значит, ничего не сказать. Их охватило такое раздражение, что мы с Запашным стусевались. В нас летели реплики жуткого сарказма, и в какой-то момент мне захотелось убежать и забыть все, что мы тут понапридумывали. Но не таков Левитин. Только он знал, по-настоящему знал, чего хотел. После наших сбивчивых доводов поднялся с пояснениями сам, как последний аргумент. Еще не успев начать, он уже получил пару словесных оплеух от математички. Зоя Олеговна прилично его зацепила:

– Левитину всеобщего внимания захотелось. Что ж, давайте поиграемся, у нас ведь других проблем нет. Мы и на уроке не разговариваем, и учителей уважаем, и себя уважаем, и совесть у нас есть в наличии...

С ней едва не случилась истерика. Но Венька не стал здесь встречать. Он словно не замечал критических стрел. Если бы мне знать тогда, чего в действительности хотел этот парень. Хотя и зная, я не поверил бы ни за что...

– Мы не новаторы. Все, что здесь предлагается, существует в двадцати пяти школах по России и ничего, кроме пользы, не принесло, пусть и не сразу, – сказал Венька.

Директор поспешно начал задавать организационные вопросы. Его будто бы интересовала вертикаль управления. На что Левитин отвечал очень конкретно, словно для него здесь вообще не могло быть белых пятен:

– На общешкольном референдуме предлагается принять школьную Конституцию. Проект я берусь разработать, представлю на широкое обсуждение. Если Конституция будет принята, а это должно быть сделано не менее чем двумя третями от общего числа преподавателей и школьников, под ней лично подпишутся те, кто за нее голосовал на большом плакатном листе живой подписью. Это будет документ, который надо сохранять десятилетия школьной жизни, совершенствовать и внушать уважение каждому новому поколению преподавателей и учени-

ков. После принятия Конституции создается наряду с действующим органом (Администрацией школы, педсоветом) еще и консультативный орган – Общешкольный Совет, пока консультативный на переходный период, который будет принимать самое непосредственное участие в создании всех документов, регламентирующих нашу жизнь... Впоследствии некоторые решения такого общешкольного органа будут обязательными для исполнения и Администрацией школы, педсоветом, а в каких-то случаях это будет прописано в Конституции...

Пока Венька «чесал» как по-писаному, у администрации и педсостава вытягивались от удивления лица.

Директор вставил внезапно подсевшим голосом:

– А, может быть, Совет сможет найти деньги на наш санузел? Или хотя бы мудро посоветует, где их добыть? Я того мудреца рядом с собой посажу и в штат на заработную плату включу.

– Ловлю на слове, Семен Анатольевич, – заметил Левитин и посмотрел директору прямо в глаза.

Лучше бы он этого не говорил – педсостав чуть не разорвал Веньку на части:

– Самонадеянный хам! – бросила учительница пеня.

– Mister Levitin knows which side his bread is buttered on!² – шутливо воскликнула англичанка.

Венька при этом не моргнул глазом, он, как мне показалось, понял смысл сказанного и оценил иронию. Потом я узнал от него в разговоре, что означали эти слова по-английски.

Тут не утерпел Игорь Иванович и заметил:

– Вениамин, вы, конечно, понимаете, что главное – это не декларации и не формы, главное – содержание, а содержание – это реальные цели. Чего вы хотите?

– Ничего нового, всего-навсего известные истины освежить. Свободы как осознанной необходимости для молодых, – бодро ответил Левитин. – Я хочу предложить превратить школу в мини-государство в лучших его проявлениях на примере общественного самоуправления. Конечно, нам не надо ни милиции, ни политической разведки, а вот партии и общественные организации могут быть. Почему бы им не быть? Со временем свой Парламент создадим и Правительство, свой Премьер-министр и Президент появятся, избранные школьным и педагогическим коллективами на выборах. Главная идея заключается в том, что все самоуправление между учениками и учителями должно быть основано на равных началах, только функции разделятся. Органы самоуправления не должны быть придатками школьной администрации, исполнителями ее воли, они – проводники демократических принципов взаимоотношений в школьной среде. Что касается ответственности, то за оценки, за качество обучения, за поведение будут отвечать сами ученики в соответствии с данными ими же обязательствами и не перед папой и мамой, не перед школой, а перед своими товарищами, перед которыми может быть очень стыдно. В нашей республике будет своя печать, свое телевидение, а свой ВВП будем считать по балам за качество работы, то есть обучения, критерии выработаем. Самым страшным наказанием в нашей школе будет лишение членства и признание персоной «нон грата». У нас будут свои кумиры и герои, свои медали и ордена, своя история. Только любить себя и свою школу мы научимся не потому, что ее надо любить по традиции, а потому, что сами того хотим. Ведь историю школы будем писать только мы и, если она не станет созидательной, грош нам цена, никакого квасного патриотизма не потерпим. И к власти всегда будем относиться критично. Достойному народу – достойное управление. Не стадо, лукавое и дрожащее, а гражданское общество! Вот смысл, вот цель и идея!

² «Мистер Левитин знает, с какой стороны его хлеб намазан маслом» (англ.) – аналог русской поговорки «Он парень не промах».

Левитин закончил и дерзко оглядел аудиторию. В гробовой тишине среди шокированных «жителей» нового, предлагаемого Левитиным «государства», не было проронено ни звука, все будто остолбенели. Так еще бы! Левитин говорил так, как они сами никогда бы ни подумать, ни сказать не смогли, и главное – не посмели! Наконец, после продолжительной паузы, Игорь Иванович опять спросил осторожно:

– Сколько же у вас уровней или шифров в понимании «достойный», господин Левитин?

Вениамин не стал отвечать на этот вопрос и даже не взглянул в сторону «историка», но добавил:

– Если будут нарушаться права, как преподавателя, так и ребенка, оба могут обратиться за консультацией к адвокату вплоть до обращения в суд, и это не будет рассматриваться руководством школы как вынесение сора из избы. Потому что такой патриотизм нам тоже не нужен.

Физрук чуть не умер от смеха:

– Как же тогда без милиции, прокуратуры и суда, Вениамин? У нас, понимаешь ли, как во всяком государстве, начнут публичные дома открывать, торговать наркотиками, давать и брать взятки, судиться. Трудно будет, Веня.

– Поживем – увидим, – сухо ответил Левитин.

Но истерически развеселившихся от реплики физрука педагогов уже остановить было невозможно:

– Без института семьи нам не обойтись, свой ЗАГС и роддом для старшеклассников придется открывать!

– Так, а кто будет отвечать за рождаемость, Медведев или Левитин?

И надо же, хоть и шутили, а как в воду глядели. Венька не имел бы шансов, если бы... не вице-премьер настоящего Правительства Медведев, посетивший школу в связи с реализацией гранта на оборудование зала фитнеса и атлетической гимнастики. Венька в суматохе подсунул ему свою записку, где довольно полно и интересно изложил свою модель школьного самоуправления. Медведев заинтересовался и на встрече с руководством школы сказал:

– Надо, на мой взгляд, больше присматриваться к тем ученикам, к тем проектам, которые призваны как-то активизировать жизнь школы, придать ей необходимый динамизм. Этот проект дает главное – заинтересованность всех в качестве обучения и воспитания. Другое дело, надо посмотреть, что реально, а что – плод подростковых фантазий, надо отделить зерна от плевел, а это как раз и задача педагогов. В любом случае мне интересно, получит ли данный проект дальнейшее развитие, и я обязательно поинтересуюсь, как это получилось у вас в школе, ну, этак, через годик. Особенно интересно, как пройдет референдум по Конституции. Я это запомню и обязательно вернусь к этому вопросу на следующий год, посмотрим... – здесь он откровенно рассмеялся.

Ну понятно, что перспектива отвечать через год перед вице-премьером моментально возымела действие, хотя без горячих дискуссий не обошлось. Вот так и пошло... В ноябре—декабре Венька провел разъяснительную работу и даже общешкольный референдум. На этот раз это были уже не мобильные телефоны. Мероприятие было солидным, с кабинками для голосования. О школе даже сняли ролик и показали в «Вестях». Но не это главное. Главное то, что Конституцию все же приняли. Ее подписали директор, завуч, все преподаватели, даже математичка. Историк воздержался. Что она из себя представляла? Так получилось, что у меня не осталось даже экземпляра, но основные положения могу вспомнить, потому что ведь тоже принимал участие в ее разработке. Ну вот, например: «Преподаватели и учащиеся обладают равными правами и несут обязанности в соответствии с законодательством Российской Федерации об образовании, другими законами Российской Федерации, постановлениями Правительства, актами Министерства образования, локальными актами учебного заведения школы №...»; «Конституция школы № ... является внутренним локальным правовым актом, обязательным для исполнения как преподавателями, так и учащимися школы»; «Целью обу-

чения для преподавателей является обеспечение качественного образования, преподаватели не имеют права требовать от учащихся хороших оценок, оказывать на них давление, критиковать за плохие оценки, они являются лишь арбитрами, констатирующими качество ответа и выставяющими за это оценки; не имеют право навязывать те или иные суждения, касающиеся взглядов на жизнь, на образование, на одежду, а могут лишь дать совет, рекомендовать, попытаться убедить, оспорить те или иные суждения»; «Ученики обязаны заниматься самосовершенствованием (добросовестно учиться, добиваться хорошими ответами высоких оценок, пользоваться всеми средствами получения информации, имеющимися в школе: лекциями, Интернетом, библиотекой), развивать себя физически, поощрительным и почетным считается занятие в клубах по интересам (спортивных, изобразительного искусства, музыкальных, театральных и других)»; «Ученики не имеют права навязывать преподавателям мнение в отношении выставяемых оценок, они могут направить апелляцию в совместную комиссию Педагогического и Общешкольного Советов, которая вправе оставить апелляцию без удовлетворения, рекомендовать преподавателю изменить оценку или предложить ему вновь опросить учащегося»; «Апелляция является крайней мерой и не приветствуется школьным сообществом как средство для разрешения личных взаимоотношений и конфликтных ситуаций». О родителях ни слова. Как видите, Венкиным прежним популизмом здесь и не пахло. От влияния родителей на учителей пришлось отказаться. Как не было ни слова и о едином госэкзамене. Эта уже прерогатива Минобразования, то есть в его лице того самого настоящего государства. Последняя редакция школьной Конституции – результат компромисса, отделения тех самых зерен от плевел: «Преподаватели и учащиеся вправе создавать общественные объединения, не создающие препятствий для учебного процесса в школе и не противоречащие законодательству Российской Федерации»; «Успешно прошедший обучение получает бонусы (баллы), которые позволяют ему в приоритетном порядке в любое, свободное от учебы время, пользоваться спортивным залом, компьютерным залом, получать стипендию в рамках получаемых грантов, получать иные льготы, разрабатываемые Правилами внутреннего распорядка».

Ну как? Бред? Наши учителя именно так и заявили. Но... в процессе закрытой дискуссии на педсовете выяснилось, что все признают: дети в школе слишком несамостоятельны, инфантильны, совершенно не готовы к вузовским жестким критериям, и многие хорошисты с треском вылетают из вуза уже с первого курса, что постоянное, десятилетиями продолжающееся еще с советских времен «сюсюканье», «вытягивание процента», липовая сдача выпускных экзаменов, гарантированность образования, понимаемая почти как гарантия окончания школы при любых оценках, приводит к потере заинтересованности, конкурс же аттестатов уже не играет такой роли, как раньше в условиях платного образования. Вот и пропала всякая заинтересованность в результатах обучения. Все признали, что нужны новые формы, и в этом Левитин прав. А кто сказал, что эти новые формы будут идеальными, что не будет абсурдного, смешного, глупого? Но с чего-то надо начинать? А тут еще и приезд Медведева и его поощрительная речь. Решили – попробуем. Всего на годик. Если будут результаты, еще и новый грант под это дело попросим. Пусть это будет вклад в национальный проект «Образование». Знали бы они... А что «знали бы»? Все нельзя знать заранее. Ну ладно, обо всем по порядку.

Новогодние откровения

На уроке истории России опять Венька сцепился с Игорем Ивановичем. На этот раз спровоцировал конфликт сам Левитин. Отвечая на какой-то вопрос историка, уж не помню по поводу чего, он ляпнул известное словосочетание «в этой стране» применительно к России. Это буквально взорвало Игоря Ивановича. Он взял Веньку за лацкан пиджака и тихо сказал (голос его при этом как-то даже подрагивал), хотя он обычно всегда держал себя в руках:

– Вениамин, «та страна», о которой вы упомянули, это ваша страна, вы в ней родились и выросли. Попрошу быть более точным в выражениях. Так в чьей стране вы живете?

– В вашей, в вашей стране, – дерзко заявил Венька.

«Вот идиот», – подумал я, но в отношении историка злорадствовал (я все еще ревновал Аню к Игорю Ивановичу).

Когда урок закончился, Левитин и Игорь Иванович остались в классе и о чем-то начали спорить. Я чуть-чуть задержался от любопытства: уж очень мне хотелось, чтобы Венька историка зацепил чем-нибудь. И точно. Вижу, Левитин что-то сказал, и Игорь Иванович, аж, побледнел враз, такое редко бывает, чтобы за секунды и стал белым, как стена. Только из-за шума в коридоре я ничего не расслышал. Венька выскочил вслед за мной:

– Все, теперь пусть думает. Мораль читать горазд, а за девочками ухлестывает, фарисей! Я обомлел:

– Ты про «это» ему сказал?

– Конечно!

– Зачем?

– Что, зачем? Его выпрут из школы, если узнают, а он вряд ли откажется от Анны. Значит, что?

– Что?

– Значит, выпрут! Что и требуется доказать.

– А как же Аня? Вся же школа будет обсуждать.

– Ну и пусть. Самое главное для мужчины – это поправное мужское достоинство. Твое достоинство в этом случае. Только представь, как они где-нибудь...

Я закусил губу, а Венька продолжал:

– От тебя отказались, почему бы не отказаться и тебе от нее? Самодостаточнее надо быть, Слава, и весь женский мир будет твоим. Усек?

– Можно подумать, что ты знаешь все про женский мир.

– Не все, но кое-что знаю.

– Ну и, например?

– Женщина – это не придуманный образ, это реальность. Когда поймешь, сразу перестанешь комплексовать. Она из мяса и костей, скрываемых ею недостатков, слабостей, привычек, глупостей. Она заблуждается, а ты ее слова сейчас воспринимаешь для себя как приговор. Пока видишь в ней божество – будешь ничтожеством сам в собственных глазах, и все другие женщины это тоже будут чувствовать. А ничтожество женщинам не требуется. Странно? Странно. Мир – это бинеры, противоположности и противоречия. Мир един в этом противоречии, как пасть волка и кусок мяса. Но в противоречиях есть своя логика, свой закон.

– Ты – странный человек.

– Хотел сказать – страшный?

– Может быть.

– Ну вот, то жесткий был, теперь странный, страшный. Я не странный и не страшный, Славян, я предельно честный. Если мир уродлив, то честно говорить о нем, означает у нас – говорить непристойности. Так при чем здесь я?

– Почему ты так хочешь избавиться от историка? Он же, как преподаватель, не самый плохой. От всей школы тогда надо избавляться.

– Он опасен.

– Для кого?

– Для всех. И вообще, я не разделяю его убеждений, а он меня обучает и еще оценки ставит. За что? За мои убеждения. А это нечестно. Поэтому за свою точку зрения я буду бороться.

Новый год мы справляли у Веньки дома. Были я, ну понятно, Левитин, Родька Заболотнов, Женька Запашный, два парня из параллельных классов – Егор Савин и Антон Северянин. Этих Левитин сам позвал, он с ними установил свои отношения, говорил, что ребята очень умные. А по мне так – зануды. Отличники, в основном, зануды. Только Венька – исключение. Он не гонится за оценками, наоборот, с учителями в контрах, но эти хорошие оценки сами собой у него получаются, поэтому он не «рубака», не подхалим, и не любить его за хорошую учебу нет причин. У него всегда на все свое мнение. Он – за народ, а, значит, ближе к нам, угнетаемым педсоставом. Вот они, Венькины бинеры, объединяющие нас, таких непохожих, двоечников и настоящих отличников: огонь и вода, а, может, огонь и масло, интеллект и энергия, вожди и массы? Я становлюсь философом? Венька бы одобрил.

Квартира Левитина нас поразила. Никогда я в своей жизни не видел ничего подобного. Старинная мебель из темного дерева, тяжелые шторы, очень продуманные торшеры с мягким завораживающим светом. Квартира была двухуровневая, с отделкой под старину, лестницей с витыми перилами из литого металла. Но самым потрясающим была комната самого Левитина... Она была выполнена из черного и красного материала. Черная мебель, алые шторы, на стене портреты Пушкина, Черчилля, Керенского, еще каких-то мужиков в старинной одежде. Почему Пушкин, Черчилль и Керенский рядом? Удивительно. Интересным было огромное панно с фотографиями президентов США большого количества, наверно, всех, какие были за всю историю страны. На столе, где стоял компьютер, лежал молоток и циркуль, как будто Венька был средневековым европейским ученым, каким-нибудь алхимиком придурковатым. Но больше всего нам понравились шпаги и мечи, висевшие на стене, и стоящий в углу средневековый рыцарь в доспехах из ослепительного, зеркально-белого металла.

– Настоящая? – спросил я, дотронувшись до шпаги.

– Само собой, – самодовольно сказал Левитин. – Можешь лезвие потрогать. Хоть сейчас – в битву.

Родион Заболотнов покачал головой:

– Ну, Левитин, ты крутой...

– При чем здесь Левитин? Это родители у него крутые, – возразил Запашный.

– Не скажи, – не согласился Родька, потрогав рыцаря пальцем. – Индивидуальность всегда победит. Если ничего из себя не представляешь, как личность, то и в богатой твоей квартире будет черте че.

Я не стал вмешиваться в их спор, я был просто смят увиденным. Мои родители, будь я хоть самый что ни на есть индивидуалист, никогда не позволили бы самовыражаться в домашнем убранстве. Какой быть моей комнате, как и всей квартире, решали всегда только они с небольшими, самыми минимальными, ничтожными штрихами. За каждый плакат, за каждую фотку приходилось воевать. Особенно достался тяжело плакат с Кипеловым, солистом группы «Ария». Его длинные волосы приводили моих стариков в ярость, хотя они, конечно, не знали, кто на плакате изображен, и чем он занимается.

– Венька, а кто твои родоки? – вдруг спросил я.

Мне так хотелось хоть немного услышать о людях, которые проявляют терпимость к своему ребенку. Такое нечасто встретишь, и это дорогого стоит.

– Мои мать и отец – сотрудники неправительственного Фонда «Восток – Запад».

– А что они там делают?

– Мне сложно объяснить. В общем, это фонд, цель которого способствовать интеграции Восточной и Западной Европы. Да они, в основном, в командировках.

– Ты живешь один?!

– Ну, не совсем. Здесь часто бывают бабушка с дедом. Но жить постоянно – нет. Дед в этих стенах не может. У него другая закалка. Конечно, отец с матерью часто приезжают, почти каждые пару недель дня на два-три. Если откажутся от командировок, потеряют работу. А это, сами понимаете, не желательно. Там хорошо платят.

Мы все были поражены возможностями Вениамина, а Родион, тот вообще тарасил от удивления глаза как ребенок:

– Вот это классно! Если бы мне своих хоть на неделю куда-нибудь сплавить.

– И что бы ты сделал? – с иронией спросил я, зная ответ заранее.

– Я собрал бы ребят и закатил вечеринку на все деньги, что мне родители оставят.

– Точно, я так и думал. А потом «лапу сосал» до их приезда?

– Рис хавал бы.

Тут привезли заказанные Венькой продукты и шампанское. Мы застонали от восторга. Когда все разложили на кухне, распределили поварские роли и приступили к работе (черт, в такой компании даже работать уютно!). Левитин, нарезая окорок, вдруг сказал, обращаясь ко всем:

– Давайте поговорим вот о чем. Закончим мы школу, разбежимся по стране, по миру, жизнь нас раскидает куда попало, и мы вряд ли когда-нибудь встретимся. И каждому придется в одиночку выживать, обивать пороги чиновников, кого-то о чем-то просить, против кого-то выступать в одиночку, заискивать перед начальством, скрываться от криминала, принимать решения, не имея никакой поддержки. А представьте себе: вы едете в чужой город учиться или в командировку, но он уже для вас не чужой, потому что вас там ждут, вы знаете к кому обратиться, знаете, что о вас позаботятся. Только набираете телефон и говорите: «Брат, я приехал!» И все! Ну и к вам если приедут, то вы в лепешку разобьетесь, чтобы помочь всем, чем сможете.

– А как я смогу помочь, если сам еще на ноги не встал? – спросил я.

– Так на что другие? Ты наберешь телефон и скажешь: «Помогите моему брату». И ему помогут. И так во всем, от рождения до смерти. Учиться за границей – нет проблем, сделать сложную операцию и не заплатить за нее – пожалуйста, устроиться на высокооплачиваемую работу – сделаем. Детей в хорошие ясли, родителей к хорошему врачу. Нет денег – деньги будут. Умер? Вот они, друзья – братья, уже хоронят. Все блага мира к ногам твоим и твоих братьев. А они повсюду, незримо для других, ты узнаешь их всегда, в любом месте и при любой погоде найдешь. Вот такая социальная защищенность. Да какая там социальная, всеземная защищенность!

– Даже в другой стране? – впервые, почти хором подали голос Северянин и Савин.

– Конечно, в любой стране! Нет на земле клочка, где бы не было твоих братьев. Вот это жизнь, а?

– И как же так сделать? – простодушно осведомился Женька Запашный.

Бутылка шампанского в его неумелых руках исторгла целый фонтан, сам Запашный оказался с ног до головы в липкой пахучей бражной жидкости. Все чуть не умерли от смеха, а Венька сказал:

– Это хороший знак! С наступающим 2008 годом! Можно сказать, обмыли мечту. Главное видеть свет в конце тоннеля, тогда сможешь и пройти его, даже если через нечистоты придется перебираться. Просто нужна организация, которая стала бы для тебя всем.

Честно говоря, захмелели мы тогда изрядно, и то, что Вениамин нам рассказывал, казалось сказкой. Красивой и даже реальной. А оговорка про нечистоты – это так, игра слов.

В двенадцать часов ударили куранты. Их хорошо слышно еще и с улицы – из левитинской квартиры видна Красная площадь. Мы вывалились на улицу, дали залп из петард, хохотали как

сумасшедшие. Нам нравилось все: эта загадочная замечательная квартира, уверенность и ум Левитина, наша новая, только зарождающаяся малопонятная пока нам самим дружба, можно сказать братство. В этом вечере был особый колорит, замешанный на шампанском и тайне в черно-красных тонах.

В три часа ночи Венька сделал нам сюрприз: в квартире появилась девушка. Ее звали Жанна. Судя по возрасту, она была на несколько лет нас постарше. От кончиков волос до высоченных каблуков это было само Обольщение. Мы задохнулись от волнения и недоумения, мы не знали как себя вести. Помог Левитин. Он объявил:

– Так, друзья мои, сейчас состоится мужской конкурс. Мы постараемся перед дамой показать все самое лучшее, акцентирую ваше внимание: все. А она выберет одного из нас на час. Ну, проявим фантазию.

У Северного и Савина глаза на лоб вылезли. Остальные, кроме самого Веньки (я, Заболотнов и Запашный) виду не показывали, но несколько замялись. И понятно, дело было не в конкурсе, а в том, как не уронить мужское достоинство после того, как тебя, не дай бог, выберут. Сексуального опыта, судя по общему состоянию оцепенения, не было ни у кого. Только Левитин был непринужден. Ну да, когда поживешь один в квартире да с деньгами, тогда есть, где такой опыт набирать. А девушка, высокая, стройная, вкусная, небрежно взбив руками темные длинные волнистые волосы, показала пальцем на Родиона, как на конкурсанта, который должен был представить себя первым. Родион нервно стянул с себя рубашку, напряг мышцы на руках, как на конкурсе бодибилдинга, мы упали от хохота, потому что двуглавые мышцы на Родькиных руках даже не высывались наружу. Савин и Северянин постыдно сняли свои кандидатуры, а я и Запашный, раздевшись до плавок, спели «Бэль»³. Девушка поманила пальцем и бросила мне презерватив. Все взревели от восторга, видимо с облегчением, что самим не придется держать этот «экзамен». А Левитин закричал:

– Мужики, поддержим нашего фаворита, он представляет всю нашу компанию!

Мы с Жанной вошли в спальню, приготовленную Левитиным. Она стала медленно раздеваться, а меня заколотило от ее длинных белых ног и порочных, как говорят с поволокой, чуть ироничных, все понимающих глаз. Они блестели от удовольствия наблюдать мое первозданное, чистое возбуждение.

– Ты – мальчик? – спросила она без улыбки, как-то просто, почти по-родственному.

Я кивнул головой, чувствуя, что полностью нахожусь в ее власти.

– Ты, вот что... – Жанна, едва коснувшись, провела мне рукой по щеке. – Ты не напрягайся, я от тебя подвига не ожидаю, это всего лишь моя работа.

Она протянула мне визитку:

– На будущее для прохождения практики, настоящей практики, но когда будет восемнадцать лет. Мне проблемы не нужны. Это сегодня, в порядке исключения за хорошие деньги. Она засмеялась и снова погладила меня по голове, как маленького ребенка.

– А что же сейчас? – спросил я.

– Сейчас?

Она насмешливо прожгла меня взглядом, сказала:

– Подойди ближе, я не укушу тебя.

Я подошел. Она проворно (что было полной неожиданностью) сунула мне указательный палец в рот, а другой рукой схватила за член. Я провалился в пустоту и застонал, упав на колени. Когда открыл глаза, еще трясясь после внезапного оргазма и неимоверного стыда, увидел руки Жанны: они были в моей сперме, она держала ее в ладонях. Я выдавил с хрипом, голос куда-то сразу пропал:

– Что теперь делать?

³ Имеется ввиду «Belle» («Прекрасная») – песня из мюзикла «Нотр-Дам де Пари»

Жанна пожала плечами:

– Да ничего...

– Что ребята скажут?

– Они ничего не узнают. Это твоя, наша тайна. Ты – молодец, у тебя для счастья все есть, а сегодня (она шутливо размазала мне сперму по лбу) ... Сегодня мы просто играли. Вениамину и всем остальным мы скажем, что все было «супер». А разве нет? Но я тебя совращала не больше, чем мои коллеги на экране телевизора.

– Может быть, еще попробуем... потом? – спросил я убитым голосом, вставая.

– Достаточно пока и этого.

Жанна вытерла руки о салфетку и начала натягивать чулки. Не знаю почему, я спросил:

– Жанна, откуда ты знаешь Веньку?

Она надела туфли, закурила, внимательно посмотрела на меня:

– Тебе зачем это знать?

– Интересно.

– Вениамин очень непростой человек, хоть и сосунок еще. Если будешь с ним дружить, получишь много. Но...

Она тут же замолчала, затушила сигарету, издала шутливый стон, показывая мне на дверь.

Я увидел, как под дверью на свету торчали тени от ступней моих любопытных одноклассников. Оказывается, они дежурили у двери, прислушиваясь. Вот гады! Мы вышли из комнаты под победные кличи всей компании, и я так и не дождался от Жанны продолжения этого самого «но». Загадки продолжались.

С Жанной мы весело попрощались и продолжили нашу вечеринку как стопроцентный мальчишник. Когда ребята танцевали, по сумасшедшему, от чего, как показалось, качнулась даже люстра, Венька подозвал меня с серьезным лицом, он один был абсолютно трезвым и спокойным:

– Пойдем со мной, поговорим.

– Я?

– Да. После «крещения» с Жанной ты мой заместитель. Шучу. В общем, пошли.

Мы поднялись в Венькину комнату. Когда я с удовольствием рухнул от усталости в мягкое кресло, Левитин сказал:

– Слава, на каникулах я предлагаю создать нечто вроде клуба, пока из тех ребят, которые сегодня здесь у меня в гостях.

– Что за клуб? Самоуправление ты уже сделал, зачем еще клуб?

– Самоуправление – это основа основ, это машина. Но машина – это кусок металла. Нужен пульт управления.

– Да все же пульта и кнопки есть! В нашей Конституции, в твоей Конституции ведь все записано. Чего париться, я тебя не понимаю?

– Морозов, Морозов, святая наивность, эти процессы нужно обеспечить, понимаешь, обеспечить. Это и продуманная кадровая политика, и анализ возможного противодействия, своего рода, разведка, и жесткое продвижение идей и замыслов, если понадобится.

– Зачем? – все еще не мог понять я. – Ты же сам говорил, что мы создаем как бы модель государства. Парламент у нас есть, есть и правительство, какие проблемы? Что еще нужно для управления нашей «страной»?

Он посмотрел на меня с насмешкой, в этот момент мне даже как-то неприятно стало:

– Ты все-таки серьезно считаешь, что миром управляют парламенты и правительства?

– А кто?

Венька так начал хохотать, что я расстроился не на шутку, подумал: «Ну, вот, опять считает меня дураком, а что я такого сказал?..»

– Миром, Слава, управляют наднациональные, надполитические структуры, там решаются все ключевые вопросы, там, за одним столом вечером, как братья, сидят политические противники, а утром будут морочить всем нам голову, как они друг друга ненавидят.

– И в нашей стране тоже?

– В мире, я сказал, во всем мире! А мы-то всего-навсего маленькая его часть, провинция одной единой организации...

– Такому нас не учили...

– Не учили?

Венька наклонился ко мне, лицо его сразу побагровело от внезапного прилива ярости. Я его еще никогда таким злым не видел:

– Не учили, говоришь? А чему эти «мухоморы» (он показал на Кремль в окне) нас вообще могут научить?

– Ты считаешь, что знаешь больше, чем они?

Я начал тоже злиться: не слишком ли много Венька на себя берет?

Левитин подошел к окну, открыл его, с наслаждением впустив морозный воздух, слегка успокоился:

– У меня другие учителя, да я сам себе учитель. Информация лежит часто на поверхности, ее надо только уметь найти и отмыть от наслоений всякой словесной ерундистики, схватить за жало, за стержень. И все становится ясно. Ладно, это в двух словах не объяснить...

Он с нескрываемым разочарованием оставил меня в покое, но сказал, что после нового года поговорит «более предметно». Тогда, в конце разговора, уже уходя, я спросил, по какому принципу он отбирал Совет: эти двое, Северянин и Савин, они вообще – кто? Сказал, что я их вовсе не знаю. Венька на это только усмехнулся:

– Если бы ты знал, кто их родители, то вопрос отпал бы сам собой.

– Причем здесь родители? – спросил я. – Они что ли в Совете голосовать будут?

– Мороз, ты недалновидный. Влиятельные родители – это прикрытие и защита. Когда-нибудь нам и защищаться придется.

Оставшееся время на вечеринке я провел с ощущением какого-то напряжения. Венькина ярость напомнила мне, что праздник скоро закончится.

Тайный Совет: начало

Так пружина времени и обстоятельств затягивала интригу, и в первых числах января состоялся наш первый Совет у Веньки дома при соблюдении строжайшей конспирации. Но это еще не была организация, это была всего лишь группа людей, которых Веньке предстояло убедить. Но он, как оказалось, не боялся этой сложной, почти невозможной задачи. Уже через каких-то несколько недель я окончательно понял: перед нами серьезный, сформировавшийся человек, который рассказал нам многое такое, чего не печатали в газетах, не показывали и не рассказывали по ТВ, очень редко и скудно писали в книгах, а в учебниках и вовсе не было ни слова... Нет, нет, пересказать не могу – я умею держать слово и язык за зубами. Только одно скажу: официальные историографы, политологи и рядом не стояли со своей ложью. Я поверил, я понял, Венька тысячу раз прав, что мир вовсе не такой, каким мы его знаем. Но, бог ты мой, откуда же он все это знал?

Один из вечеров у Веньки был самым запоминающимся. Нас сначала вместо него встретил некий человек в строгом черном костюме, как омоновец. Голос его был низким и басовитым, от чего еще более стало не по себе. Его возраст (ему было, судя по голосу, около сорока) окончательно дал нам понять, что шутить с нами здесь особенно никто не собирается. Он, однако, все же поспешно представился, видимо, чтобы не перепугать совсем:

– Друзья мои, пройдемте, Вениамин вас встретит позже. Я не палач, и вас не собираются здесь подвергать пыткам. Я просто церемониймейстер.

Он завязал нам глаза, велел всем держаться за руки и повел куда-то. Когда глаза нам развязали, мы были в той самой странной черной Венькиной комнате. Левитин сказал нам, что она оформлена как «комната размышлений», которая символизировала брэнность человеческого бытия. В этой комнате, задрапированной черным, стоял в центре бутафорский картонный гроб с бутафорским же, лежащим в нем скелетом. Мы вздрогнули и отшатнулись. Веньке это доставило удовольствие. Церемониймейстер куда-то исчез. На столе, однако, стоял, как показалось, настоящий череп (чей?), и внутри него тускло мерцала свеча. Тут Левитин начал объясняться с нами как-то особенно пафосно, так, что мы уже не видели в нем прежнего Веньку. Его отчужденная торжественность пробирала мурашками до костей.

– Здесь, господа, вновь принимаемый как бы духовно умирает, отрешается от прежней примитивной жизни, но впереди у него новая жизнь. И надежду на эту жизнь символизирует это слабое пламя. А теперь я буду спрашивать, а вы отвечайте. Мы тут же насторожились, вспоминая заранее показанный нам и выученный наизусть текст:

– Кто является членом Тайного Совета?

Мы гаркнули хором:

– Свободный человек с хорошей репутацией!

– Да не орите вы так. Почему вы вступаете в Тайный Совет?

– Чтобы победить свои страсти, научиться управлять своей волей и постоянно совершенствоваться. Мы свободные люди и строим наш дом.

– Какой дом?

– Дом, в котором живет человеческая любовь.

– Какой камень мы употребляем для строительства?

– Нашим строительным материалом являются люди.

– Каким раствором скрепляем мы камни?

– Дружбой, братством.

– Чем отличаются члены Тайного Совета от других?

– Образом жизни, благородством мыслей, искренней верностью и непоколебимой взаимной дружбой.

- Почему наш союз называется царственным искусством?
- Потому что наше дело является самым благородным искусством.
- Каково главное достоинство члена Тайного Совета?
- Любовь к ближнему, ибо у кого она преобладает над всеми другими чувствами, тот преодолевает эгоизм и становится лучшим.
- Каковы еще достоинства члена Тайного Совета?
- Скромность, мягкость, милосердие.
- С чем мы должны бороться?
- С предрассудками, заблуждениями, тщеславием, ложью, алчностью.
- К чему вы стремитесь?
- Прежде всего, к тому, чтобы укрепить союз братьев и всей своей жизнью оправдать высокое доверие быть избранным.
- Как распределяют время члены Тайного Совета?
- Работа члена Тайного Совета продолжается от рождения до самой смерти.

А теперь прошу вас, – голос Веньки слегка напрягся, – произнести текст клятвы.

Мы также хором проговорили:

– Перед лицом Великого Архитектора Вселенной и перед этой почтенной и уважаемой публикой свободных и признанных, я по своей искренней воле торжественно клянусь, что никогда и ничего не раскрою из таинств и секретов организации, какие бы ни были мне сообщены или какие бы впредь я ни узнал, никому, кто не является членом Тайного Совета. Я торжественно обещаю, что не изложу письменно эти секреты, не опубликую их в какой бы то ни было форме, и не позволю, чтобы другие это сделали в моем присутствии. Обещаю любить своих братьев, поддерживать их и предоставлять им всякую помощь в нужде и в защиту их и Тайного Совета отдать себя до последней капли крови.

После этого вновь вошел церемониймейстер с медицинскими приборами, какие используют при взятии анализа крови. Мы слегка заволновались, но он нас заверил, что все будет быстро и безболезненно, проколол каждому из нас палец, сунул мне, по моей просьбе, в нос побольше нашатыря (я всегда плохо переносил эту процедуру), выцедил из нас по маленькой капле крови и смешал эту кровь на куске стекла. Стекло он отдал Левитину и опять пропал за дверями. Левитин заставил нас взять по капле смешанной крови на язык, потом сказал с удовлетворением:

– Ну вот, теперь мы не просто друзья, а кровные братья.

Я, однако, спросил осторожно:

– А если кто-нибудь пожелает выйти из Совета?

– Традиционная форма клятвы исключает такую возможность, – сухо ответил Вениамин. – Человек, покинувший Совет, должен будет умереть.

Мы застыли в изумлении, не понимая, шутит он или нет, некое подобие игры вдруг превращалось на наших глазах в жестокую реальность. Но Левитин тут же пояснил, улыбнувшись:

– Но вы, как люди чести, даже в угрозах такого рода не нуждаетесь. Скажу только одно, братья мои: внутри организации – никакой демократии, строжайшая дисциплина и подчинение, мы же не просто будем проводить в жизнь доброе начало, порой мы его будем прошибать, бороться за него, если это необходимо.

– Венька, а тебя тоже кто-то должен принять? – спросил Родион.

Левитин снова улыбнулся:

– Я уже давно принят.

– Кем?

– Я сам себя принял.

Мы невесело усмехнулись, не зная как относиться к его шутке, и двинули на выход. Был уже глубокий вечер. При этом почему-то каждый (я это заметил) глянул украдкой на настоящий череп.

Страсти по Левитину

Венька стал в школе настоящей звездой и авторитетом. Что бы в школе не создавалось, какая бы идея не появлялась, всех, прежде всего, интересовало, что по этому поводу думает он – одобряет или нет? Девчонки его обожали, парни завидовали, учителя... Одни уважали за знания, другие недолюбливали. А какой начальник будет любить более умного, чем он подчиненного, да еще несовершеннолетнего? Особенно, если это очевидно? А Венька был по-прежнему непринужден и органичен. Слава ему шла как галстук или головной убор.

Однако Левитин блистал не только эрудицией и мудростью не по годам, а еще и умением практически реализовывать задуманное: в школе происходили перемены, которые все небезосновательно приписывали именно ему. За январь было рассмотрено четыре апелляции от учащихся в связи с несправедливо поставленными оценками. Между прочим, в одном случае Комиссия рекомендовала исправить оценку с двойки на тройку. Можно себе представить истерику Зои Олеговны. Она в течение пятнадцати минут рыдала у директора и говорила, что не может работать в школе, где ей не доверяют. Но Комиссия была непреклонна, в школе уже давно было известно и педсовету и директору о том, что у Олеговны среди учеников есть как любимчики, так и козлы отпущения, и этот случай не был исключением. Прошкин, хоть и туп, как пробка, но несколько формул все же выдал, ставить ему двойку было бы слишком жестоко.

В коридорах школы замаячил адвокат с большим потертым портфелем. Увидев его, некоторые самовластные преподаватели, привыкшие рассматривать свой класс и школу чуть ли не как вотчину, и местное хулиганье тоже насторожились. Да вообще, у всех у нас за спиной будто появился контролер. Вроде бы и фигня, даже как-то и не вполне серьезно, но... бог его знает. Сам факт хотя бы возможности какого-либо разбирательства уже настраивал на ответственность. Пойдут разговоры, толки-перетолки, дойдет до Управления образования, до родителей... Парочка исков уже через месяц ушла в суды: один ученик подал в суд на ученика (через родителей, конечно) на возмещение вреда – порчу портфеля и учебников. А другой таким же «макаром» подал в суд на администрацию школы, требуя возместить вред здоровью плохой организацией школьного питания. Он накануне отравился котлетой, что в школах, как мы все знаем, и не такое уж редкое явление. Носились слухи, которые, само собой, долетели и до директора, что прокуратура может проверить целевое использование средств, собираемых с родителей на различные нужды, а, кроме того, вообще законность отдельных сборов.

По решению Общешкольного совета были отменены ограничения на одежду учеников, однако, предложено рекламировать классический стиль в одежде, как один из элементов школьной этики, настроя на образовательный процесс. Смешно? Мне тоже сначала все это казалось забавным. Но вот организовали школьное радио, свою постоянно действующую рекламу, заказали модели классической одежды и одели в нее самых лучших и авторитетных учеников – дело пошло. Даже среди тех, кто по-прежнему был сторонником полуспортивного стиля, джинсов, свитеров, уже не было, как минимум, неопрятных. Все постепенно менялось в сторону классического стиля, но не из-под директорской палки, а «снизу», от нас самих.

В школе появилась своя газета. Ее изготавливали на цветном ксероксе, и там откровенно, иногда даже слишком откровенно, рассказывали о школьной жизни. Вы не представляете, что творилось по поводу этой газеты в школе! Иной раз возмущались не только преподаватели, но и родители. Ведь дети рассуждали в ней о школе и о жизни вовсе не как дети. Даже отношения полов страница нашлась. Газету трижды закрывали и снова открывали по решению Общешкольного Совета при протекции и активных «подковерных» действиях Тайного Совета. А Венька при этом заявлял, что в условиях демократии не так-то просто кому-то заткнуть рот. Но сам он, между прочим, проделывал это не раз. При содействии Тайного Совета уволили учительницу пения. Теперь эти уроки проводили ровесники самих учеников из местного Дома

творчества. Тут же из уроков пения родилось несколько самостоятельных групп – танцевальная и рок-группа. Рок-группу не пускали в эфир школьного радио, но Тайный Совет выявил, кто более всего препятствует, и пригрозил ему. На столе у одиозных преподавателей появились копии жалоб родителей в адрес администрации Президента и лично господину Медведеву. Кроме того, Тайному Совету удалось стравить этих учителей между собой за счет дезинформации, будто один из них жаловался на другого, а тот высказался в отношении этого... «Главное оружие, – учил нас Левитин на наших тайных семинарах, – это дезинформация в отношении ключевых моментов жизни общества. Информацию могут знать только избранные. Это мы». Такое высказывание очень пришлось нам по душе, оно как-то возвышало каждого. Казалось, все нити жизни в руках. Особенно это ощущение усилилось, когда кое-что стало получаться. Мир вокруг действительно подчинился нашей мысли, нашим желаниям. Впервые в жизни мы (еще никто по сути) уже смогли насладиться плодами реальной власти. И это все – Венька. Фантастика! О том, что это противоречило самой идее школьного самоуправления, никто почему-то тогда даже не вспомнил.

В школе был создан театр. Первые пьесы писали сами ученики. Но, кроме этого, появился клуб отдыха, который культивировал сам Левитин, о его создании было мало что известно, но Венька всеми силами оберегал его. Это был закрытый клуб для избранных старшеклассников, тех, кто имел деньги и мог заплатить за ужин в кафе. Клуб собирался в кафе «Галактика», что неподалеку от школы, где велись абсолютно свободные и даже фривольные разговоры, создавались и разрушались кратковременные пары, обсуждались слухи и сплетни. Этот клуб был питательной информационной средой для нас, как Тайного Общества. Мы обязаны были посещать его, откуда узнавали многое о настроениях в школе, кто чем дышит, и кого за что можно будет потом «подцепить».

Такая вольная и бурная жизнь в школе, кажется, не может вызвать у администрации ничего, кроме раздражения и возмущения. Но... нет. Надо учитывать, что созданное Левитиным самоуправление во многом помогало администрации. Управляемость школьным коллективом повысилась на порядок и, в первую очередь, потому, что все основные, внутриколлективные процессы были теперь на виду у администрации, за исключением Тайного Совета и закрытого клуба отдыха. Сочетание открытости и наличия административной вертикали давало результат. Все проблемы – как на ладони. Надо было только убедить Общешкольный Совет, а если уж инициатива шла снизу, то ничто и никто не мог ей помешать. Это оценили и директор и педсовет. Иначе нашей демократии не прожить бы и недели.

Было все же и такое, с чем мы, костяк нашей организации, не вполне соглашались с Венькой. Например, он яростно протестовал против организации в школе христианских классных часов. Он был воинствующим противником церкви. Я как-то на одном из Тайных Советов прямо спросил его, почему он так относится к церкви, к религии. Он ответил, что, на самом деле, религия – это глобальная мистификация, а цель – власть над душами человеческими.

– Нам просто морочат голову, – смеялся Венька. – А что касается высшего начала... Оно есть, но это не область религии. Мы просто мало знаем о природе Вселенной и человека.

– Кто же тогда, по-твоему, мы? – серьезно спросил Родион. – Сатанисты или верующие? И, если верующие, то во что?

Я, аж, рот открыл. Никогда Родиона я не видел таким глубокомыслящим.

– Кто мы? Хороший вопрос, – Венька прищурил глаза. – Мы – те, кто пытается приблизиться к познанию настоящего мира, жесткого и прагматичного, который еще не известен человечеству, потому что не открыт. Наши глаза видят скалы серыми, растения зелеными, небо голубым, но это в том спектре, в котором мы можем видеть. На самом деле в более объективном спектре скалы, растения, небо, возможно, такого цвета, что описать не сможем. Так и явления, следствия, причины. Мы живем пока в состоянии представлений о мире, но не знаний о нем. Я – не верующий в религию, в церковь, потому что в жизнь не играю, я ее познаю.

Играть – не мое занятие. Мое занятие – действовать. Бог и сатана, так как это подает церковь, это мистика, символы, ничего не имеющие общего с реальностью, и не более.

Смешное дело, Левитин нас убеждал, что и бог и сатана – мистика, ничего не имеющая общего с реальностью, а мы видели в нем чуть ли не сверхчеловека, бога или сатану. Наверно, так устроен человек: от всего, что он видит в мире, отражается как в зеркале его собственная фантазия, которая как будто и есть для него настоящий мир.

Венька запрещал нам бороться с наркотиками и алкоголизмом в школе, хотя здесь возможности у Тайного и Общешкольного Советов были велики. Но Левитин исходил из того, что наркотики, в том числе алкоголизм, это объективный путь – механизм жесткого отбора, который препятствует перенаселению, как война. Просто, хоть и не от пушек, но происходит вымирание, и в объективном смысле он считал этот процесс в каком-то смысле благотворным.

– Надо понимать, что жалеть стоит отдельного человека, а само явление надо понять. Эти люди в большинстве своем заслуживают такой участи, а наркотики – отражение одного из сложных явлений в сознании человечества. Значит, так было и так будет всегда. Для бессознательных это отложенная казнь, потому что им жить не следует в принципе, они никому не нужны и ничего не создадут; для сознательных (волевых) это власть, это новые возможности и рычаги, это наличие массы людей, которыми можно управлять. Иначе послезавтра за счет перенаселения наши дети, дети избранных, волевых и сознательных, не смогут наследовать Землю.

– А на кой мне ляд такая Земля, где большинство колется и корчится от «ломки»? Разве этими людьми возможно управлять? А если я полечу на самолете, которым управляют летчики—наркоманы, или на операционный стол лягу, а этот наркоша-хирург в руки нож хирургический возьмет... Да на такой Земле жить страшно! – возмутился я.

Венька был сторонником любых проявлений сексуальной свободы. Это нам нравилось, но страшило. Его теоретическая необузданность в этом вопросе (о практическом сексе Веньки нам ничего не было известно) вызывала тоже возражения. Все-таки интересно, в конце концов, создать семью, родить и воспитывать детей...

Венька не признавал авторитетов, и это тоже смущало.

– Авторитет, основанный на традиции, иначе говоря, культ – страшная штука, – говорил он, – потому что дезориентирует людей. Авторитетами должны быть действительно лучшие, авторитет надо заработать. Поэтому авторитетен только тот, кто доказывает постоянно свою состоятельность. Остальные лжеавторитеты – ничто. И относиться к ним следует соответственно.

«Оно, конечно, может и так, – думал я, – но не до такой же степени... Есть старики, которые были авторитетны когда-то, а сегодня – маразматика, что же они, не достойны уважения и почитания?»

Но первое, что потребовал от нас Левитин, это избавиться от чувства патриотизма. Тут разговор был особый. На одном из собраний Совета Левитин поставил вопрос ребром: надо убирать из школы главного патриота – историка. Никто, однако, из членов Совета его не поддержал. Большинство – четверо – проголосовало против такого предложения. Я воздержался, потому что ревновал Аню к нему и не мог простить историку трюк старого ловеласа, но все-таки это еще не причина увольнять хорошего специалиста и мудрого человека. Левитин, скрепя сердце согласился с возражением Совета. Вообще решение в Совете считалось принятым, если за него голосовало сто процентов. Тогда все отвечали за это самое решение.

Но уже через несколько дней произошли события, которые заставили Левитина вновь поставить на Совете тот же вопрос, и теперь положительное голосование было обеспечено. А получилось вот что. Я, как член Общешкольного Совета, хотел уточнить у директора, не сорвет ли нам небольшой текущий ремонт в спортзале график чемпионата школы по баскетболу. Я зашел в приемную, хотел спросить у секретаря, сможет ли тот меня принять, хотя

знал, что директор в основном не отказывал, если это касалось организации школьной жизни, как бы занят не был. Ха! Попробовал бы он отказать без веского на то основания! Я, извините, имел в школе статус, равный депутату Государственной Думы в стране. Моментально об этом узнала бы вся школа, более того, все уже понимали, что я неформально правая рука Левитина, и противодействовать мне, значит бросить вызов ему самому.

Но приемная была пуста. В прежние времена я бы даже не посмел сам войти в кабинет к директору, а тут как само собой разумеется, открыл первую створку двойных дверей и взялся за ручку второй. Шум в кабинете директора заставил замереть. Там было собрание преподавателей. Раньше я бы просто ушел. Но теперь как члену тайного Общества мне необходимо было получить информацию, которая могла бы быть полезной. Тем более, что говорил историк, и сразу стало ясно: речь идет о Левитине. После секундного замешательства я принял решение: закрыл двери со стороны приемной, застряв между створками. Очень трудное положение, но эффективное. С одной стороны меня никто не мог видеть, а с другой – я слышал все. Если бы секретарь или кто-то другой заходили в приемную, меня бы не увидели, а при попытке кого-либо войти к директору или выйти от него, я бы сделал вид, что хочу сделать то же, но, как бы неловко столкнувшись с входящим-выходящим и увидев большое количество присутствующих, извиняюсь и ретируюсь. Хотел, мол, зайти, но ведь нельзя, в следующий раз... Чего проще? Главное было не допустить, чтобы какая-то дверь открылась для меня внезапно, да еще так, чтобы застали в позе подслушивающего. Но это не может случиться, если контролировать ситуацию. Идеально! Так я стал свидетелем действия, происходящего у директора.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.